

Святослав Иванов

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Святослав Иванов

Подозрительные предметы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10749004
ISBN 978-5-4474-0943-2*

Аннотация

Герои книги – рядовые горожане: студенты, офисные работники, домохозяйки, школьники и городские сумасшедшие. Среди них встречаются представители потайных, ирреальных сил: участники тайных орденов, ясновидящие, ангелы, призраки, Василий Блаженный собственной персоной. Герои проходят путь от депрессии и урбанистической фрустрации к преодолению зла и принятию божественного начала в себе и окружающем мире.

В оформлении обложки использована картина Аристарха Лентулова, Москва, 1913 год.

Содержание

I	6
II	10
III	33
IV	36
V	53
VI	64
VII	88
VIII	91
IX	122
X	131
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Подозрительные предметы

Святослав Иванов

*Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси – бездомный.
Мы все к тебе придем.*
(М. Цветаева)

– Разлюби! Ты знаешь, сколько я думала и чувствовала? Ужасно! И не вышло ничего.

– Что не вышло?

– Жизни не вышло. Я боюсь, что она никогда не выйдет, и я теперь спешу... Я раз видела женщину, она прислонилась лицом к стене и плакала. Она плакала от горя – ей было тридцать четыре года, и она горевала по своему прошлому времени так сильно, что я подумала – она потеряла сто рублей или больше.

– Нет, я люблю тебя, Москва. Мне с тобой будет хорошо жить!

– А мне с тобой будет нехорошо! – отвергла Москва.

(А. Платонов, «Счастливая Москва»)

Можно стать воздушным асом. Можно стать воздушной планетой. И будешь уверен, что эту планету примут по учебнику. Значит, на пользу

*физики пойдут одна планета.
(безымянный мыслитель)*

© Святослав Иванов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

I

Уважаемые москвичи и гости столицы! Приглашаем вас на обзорную двухчасовую экскурсию по красавице-Москве. В сопровождении опытного экскурсовода на комфортабельном автобусе вы проедете по *самым* красивым улицам и площадям и сделаете три остановки с выходами из автобуса: на Воробьёвых горах, где полюбуется панорамой Москвы с высоты птичьего полёта, увидите территорию спорткомплекса «Лужники», Новодевичий монастырь и Московский государственный университет, на Мосфильмовской улице увидите киностудию «Мосфильм», посетите аллею звёзд российского кинематографа, на Поклонной горе проедете по территории музея под открытым небом, где вы увидите *уникальные* экспонаты военной техники, принимавшие участие в *Великой* Отечественной войне, а также со всех сторон объедем Храм Христа Спасителя, Московский Кремль, увидим памятник Петру Первому, Кутузовский проспект, деловой центр Москвы «Москва-сити», Дом Правительства Российской Федерации, Садовое кольцо, Бульварное кольцо и по Новому Арбату и старой улице Знаменке вернёмся на Театральную площадь.

– говорит она и следует сказанному. Обычным шагом, не быстро и не медленно, она пересекает Манежную площадь мимо конного памятника Жукову, проходит сквозь чу-

гунные ворота и шествует среди вырубленных тополей Александровского сада. Конные полицейские её не трогают. Переходит дорогу, там под мост, дальше по набережной к Храму Христа Спасителя, почтительно обходит его со всех сторон, поднимается на пешеходный мост. Пройдя мимо облюбованных богемой развалин шоколадной фабрики, она идёт в парк при ЦДХ, где расставлены отжившие своё памятники. Она крестится на лик Дзержинского и идёт дальше. Бросив почтительный взгляд в сторону трёхъярусной карусели у входа в Парк Культуры, она потом долго спускается по Ленинскому проспекту, где церкви, больницы, банки, кофейни, элитные жилые дома прошлых эпох – всё вперемешку. Обязательно перекреститься на светлый образ Гагарина, взмывающего под небеса. Потом долгий, монотонный путь по окружённой преимущественно деревьями улице Косыгина – на смотровую площадку перед МГУ. Люди радуются чему-то, любят, а она только ищет в небе одного своего знакомого – она его знает, а он её нет – и иногда находит, приветствует его, пока он пролетает над городом на своих деревянных крыльях. Потом на «Мосфильм», где танки сражаются со съёмочными кранами, затем, протискиваясь через заросли гаражей, выходит к железнодорожным путям. Здесь нужно дождаться ближайшего поезда и салютовать ему. На Поклонке ещё немного военной техники и сакральная колонна. Ну и с этого момента обратно в центр. С Кутузовского после развязки налево, на набережную Тара-

са Шевченко, откуда хороший вид на «Москва-сити» и Дом Правительства, которые можно благословить и через реку. Зимой, когда она идёт по Новому Арбату, уже темнеет, и ветры прошивают насквозь, но надо терпеть. После подземного перехода она минует Министерство обороны, кинотеатр «Художественный», ротонду – вход в метро, – и часовню, затем по старой и неприветливой улице Знаменке выходит обратно к Кремлю. А там уже всё просто – налево мимо Пашкова дома, библиотеки, журфака, – потом в подземный переход под Моховой, – и вот она уже снова на Манежной площади. Обратно мимо памятника Жукову к Театральной. А там уже можно и домой ехать.

Весь маршрут занимает семь-восемь часов. Нормальный рабочий день. Обеденный перерыв – когда хочешь. Оформление по ТК. Разве что праздников нет и выходных.

Она – худощавая женщина неопределённого возраста в безразмерной серебристой куртке. На голове всегда капюшон, затянутый крепко накрепко, так что её костлявое лицо в круглых очках смотрится в нём довольно странно и несколько сиротливо. Куртка расширяется к низу, как палатка. На ногах тёмно-коричневые вельветовые брюки и кроссовки. В руке чёрный пакет.

Она никогда не ходит молча. Большую часть времени она говорит не очень громко, но достаточно, чтобы прохожие могли расслышать. Иногда – просто бормочет себе под нос.

Изредка – кричит во весь голос.

Она рассказывает истории, дословно и по ролям произносит услышанные и подслушанные диалоги. Выкрикивает фразы из газет. Зачитывает стихи, поёт песни и сообщает горожанам, какие они мерзостные, отвратительные и недостойные того, чтобы существовать.

II

ХОРОВОД

Геннадий Фёдорович как раз выходил из подъезда, когда эта больная женщина проходила мимо, что-то голося. Ему было, в сущности, наплевать, кто она и что она – он просто шёл по своим делам, и, признаться, очень спешил.

Кликуша – так, что ли, это называется, говоря культурным языком? Бормочет себе что-то под нос, время от времени переходя на крик и – быстренько – обратно. Кликушествует, стало быть. Сама неопрятная, не по погоде в свою плащ-палатку укуталась – и давай ходить. Геннадий Фёдорович уже видел её несколько раз – видать, живёт неподалёку.

Когда они поравнялись, на Геннадия Фёдоровича вдруг как обрушилось:

– А ты что идёшь, думаешь, самый главный здесь, что ли, блядь? Вы все бляди. Вы все. Выродки, выкормыши вороньи, ублюдки, вы знаете что такое ублюдки мрази ёбанные. Ни одного ни одного доброго человека, все стервозы, драть вас убивать драть вас убивать. Настанет страшный суд и будет всё по справедливости. Никого не пожалеют даже не думайте гниды собачьи...

Геннадий Фёдорович сперва отшатнулся, потом ускорил шаг, потом, заметив, что кликуша пристально за ним следит,

даже перешёл на лёгкую трусцу. Ну а что? Спорт – всегда хорошо, особенно по утрам. Хотя сейчас уже и не совсем утро.

Оторвавшись, сбавил скорость, хотя ведьма оставалась в поле зрения. Какая же всё-таки дрянь эта матершина! Геннадий Фёдорович недавно слышал, что книги, в которых встречается нецензурщина, будут продавать в какой-то специальной обложке – и правильно! Хотя нет, поможет их только сжигать. И по губам надавать всем, кто позорит наш великий и могучий русский язык. Это ж надо с таким неуважением относиться, в первую очередь, к самому себе?

Геннадий Фёдорович вспомнил пару слов из услышанного только что от кликуши – и самому стыдно стало, что он что-то вообще запомнил из этого лепета. Он обернулся – и взгляд его наполнился отвращением: женщина всё мерцала где-то на горизонте.

Но, слава Богу, Геннадий Фёдорович был уже около цели. Оправив борта пиджака, он восшествовал в магазин.

Уже выезжая из извилистых дворовых проездов, Шевцов резко затормозил и шёпотом выругался: совсем забыл о коньяке. Взглянул на время: ну ничего, вроде бы можно и в магазин заскочить, и не опоздать. Но действовать надо быстро.

Шевцов дал задний ход и так, пятясь, проехал назад метров пятьдесят и тормознул у гастронома. Здесь должен быть. Он выбежал из машины и – быстрыми скачками – в мага-

зин. Это был непричёсанный супермаркет (раньше здесь был вонючий совковый гастроном). Шевцов прошёлся по рядам и с удивлением обнаружил, что из алкоголя здесь можно купить только пиво. Уборщица кивнула ему со знанием дела:

– Алкоголь ищите?

– Ищу, да.

– Много вас таких, неприкаянных, – улыбнулась уборщица.

– Слушайте, вы мне скажите сразу, я очень спешу, – нервно заговорил Шевцов.

– Да внизу, внизу.

Алкогольный отдел оказался в подвале. У прилавка зависал стареющий тип интеллигентского вида в пыльных ботинках и заляпанном сером пиджаке. Он рассматривал бутылку водки.

– Нет, не годится, – разочарованно сказал тип. – Дайте мне вон ту, да нет, левее.

Интеллигент снова уставился в этикетку, внимательно читая состав через очки для чтения. Шевцов долго и презрительно обозревал алкоголика, будто бы забыл, что спешит на встречу.

– Мужчина, что вы хотите? Геннадий Фёдорович всегда долго выбирает.

– А, да, – отозвался Шевцов. Потом, правда, долго не мог вспомнить, какой же коньяк так любит Першиков.

Першиков заметил, что уже с трудом влезает в, как ему раньше казалось, просторное кабинетное кресло. «Надо с этим что-то сделать, проанализировать рынок, запросить график...» – блуждая в собственных мыслях и привычных формулировках, он повернулся на кресле к окну. Он сидел на тринадцатом этаже бизнес-центра, перед ним открывалась довольно далёкая перспектива города.

Картина не очень впечатляла: всё какой-то асфальт, грязно-серые дома, провода, которые связывают между собой, кажется, два любых объекта в поле зрения. На Третьем транспортном кольце снова пробка. Утром, к своему удовлетворению заметил Першиков, удалось удачно проскочить. Ну, это дело шофёра.

Не успел Першиков заскучать, как он увидел где-то далеко впереди, яркое и переливающееся пятно розового и фиолетового цветов. Совершенно невозможно было разглядеть, что это за источник света, но это определённо было что-то внушительных размеров – это было какое-то здание или комплекс зданий почти на горизонте. Рядом виднелись строительные краны – быть может, это была какая-то масштабная стройка, а красивая иллюминация выполняла функцию предупреждающего огня для самолётов.

Не уследишь совсем за этими стройками. Он попытался прикинуть, где эта штука находится – получилось, что на западе города, не то в Мневниках, не то в Филях, не то в Кунцево – ну, то есть, в районах, которые он знал меньше всего.

Подумать только, Першиков столько лет в Москве!

Он вспомнил, что уже наблюдал это свечение на западе с балкона, когда вышел с коллегами покурить во время какого-то фуршета. Это были, вернее, не коллеги, а подчинённые, которые его побаивались и тогда боязливо приняли его гипотезу о том, что это там светится северное сияние. Но какое ж оно северное? Западное, получается.

Першиков взял со стола подаренный ему кем-то дубовый инкрустированный компас. Сверился. Действительно, эта штука светилась на западе, вернее, на юго-западе от него, что не удивительно, так как сам Першиков сидел на севере.

Тут зашёл этот, Шевцов. Заносил коньяк в честь Дня согласия и примирения. Со всем согласился, со всеми в мире.

Даже став большим начальником, Першиков стеснялся и даже побаивался некоторых подчинённых, но Шевцова – никогда. Им можно крутить, как Бог на душу положит, а он продолжает быть угодливым и гуттаперчевым. И ещё пытается до чего-то дослужиться. Кто бы ему в голову вдолбил, что для того, чтобы кем-то стать, надо быть твёрдым и непреклонным? Э, да ну его, неча с ним возиться. Мерзкий тип.

Першиков поскорее избавился от гостя.

Лена Кондратьева шла по коридору, а этот самый Першиков из-за угла шасть – знамо дело, жди беды. Он такой невыносимо толстый, что кажется, будто он занимает в ширину весь коридор. Она отшатнулась и взглянула на него с непод-

дельным отвращением – попыталась даже подделать своё лицо под доброжелательность.

Он улыбнулся в ответ и собрался, видимо, шепнуть очередную пошлость и по возможности ущипнуть Лену за что-нибудь, но она ускорила и выудила из сумки мобильник – вроде как кто-то ей звонит. Никто, конечно, не звонил – в моменты, когда это так нужно, звонки не раздаются. Но, во всяком случае, от этого мерзавца удалось оторваться.

Молодому человеку, студенту, ехавшему в архитектурный институт к третьей или четвёртой паре и по привычке прикорнувшему в вагоне метро, как обычно, снились невозможные или даже невообразимые конструкции, возведённые на московских площадях и в дремучем русском лесу.

Вдруг его кто-то дёрнул за плечо, и студент услышал неприятный женский голос, который увещевал: «Молодой человек, уступите место пенсионерке». Студент-архитектор со сна не сразу понял, в чём дело, а когда понял, некоторое время не реагировал и просто оглядывал женщину: перед ним стояла молодящаяся женщина лет тридцати восьми (а то и больше), одетая по офисной моде и явно везущая куда-то какие-то рабочие документы. При мысли об этом скучном картонном мире, который медленно, но неминуемо на него надвигался, молодой человек испытал омерзение.

Потом он заметил бабушку – ну, вернее, аккуратную пожилую женщину, которая, может быть, особенно и не напра-

шивалась, чтобы ей уступили. Он сразу вскочил и любезно указал рукой на освободившееся место. Пожилая женщина села, холодно кивнув.

Протиснувшись сквозь людей, юноша выскочил на следующей станции и с досадой развёл руками: ему надо было проехать ещё два перегона.

– Невоспитанный молодой человек, – сказала Валентина Петровна. – Даже не извинился.

Та милая девушка кивнула.

Валентина Петровна доехала до своей станции и пошла наконец домой.

А у крыльца её дома сидели три вещуньи: Валентина Александровна Евгеньева, Евгения Валентиновна Александрова да Александра Евгеньевна Валентинова. И рассуждали о том о сём да кто о чём.

Все трое родились перед войной (какой-какой? да перед любой!) и все трое знали, что жизнь полна опасностей и невзгод. В сущности, им довелось убедиться, что высшая цель и в то же время рутина нашего бренного сосуществования – избегать бытовых кручин. Сиречь переходить дорогу на зелёный свет, мыть руки перед едой да мазать зимою ноздри чесночным раствором во избежание вирусных инфекций.

Мастерицы долгих разговоров, на голове носительницы платков, время от времени вещуньи берутся за предсказания. И уж тогда держись.

– Быть беде, – прорицает одна.

– Всё как-нибудь образуется, – отвечает другая.

– Будь что будет, – итожит третья.

И все трое совершенно правы. Недаром твердила их покойная товарка Софья Власьевна, что была старше и умудрённей гораздо, что на всё-то управа найдётся («Всякому раю – своя райуправа», – говаривала она бывалоча), всему-то в этом мире есть свой равновес, всё-то мудро с незапамятности устроено. И на старуху бывает проруха, к бабке не ходи. Всяк сверчок, знай свой шесток, а придёт срок – и оттуда сдует ветерок. Как говаривал ссыльный муженёк (тот ещё фраерок) Софьи Власьевны, придёт серый мусорок и посадит в воронок.

А тут как раз Валентина Петровна мимо шла, дай Бог ей здоровья.

– Здравствуйте! – Валентина Петровна развернула перед вещуньями свою безграничную приветливость.

– Здравсте... – прошипели сказительницы ей вослед.

Не любили они Валентину Петровну и смотрели на неё с презрением и надменностью. А то она как неродная: гулять не ходит, цветов не сажает, да и обсудить с ней как-то нечего. Скучную, видать, жизнь прожила. И к их волшебной касте уж явно не принадлежала.

– Чё за ботва? – воскликнул Шурик в надежде разрядить атмосферу.

– Ччччч! – зашипели остальные.

– Минуту подождать не можешь, debil! – прошептал Лёха. – Ща договорит и всё скажет. А ты тут детский сад устроил.

Тут Васёк как раз вернулся в комнату. Парни увидели, что он суёт телефон в карман, и закричали: ну что? ну что?

– Да пиздец, короче. Возвращаются через полчаса, не больше. Сворачиваемся.

Ребята вздохнули и принялись убираться, обмениваясь едкими репликами. На мороз идти не хотелось, хотелось дальше пить пиво на мягких диванах. Ну ничего не поделаешь.

– Зато коньяка купим, – предложил неуёмный Шурик.

– На какие шиши? – спросил Тимыч.

– Поскребём по сусекам.

– Твои сусеки – первые!

Набили мусором три пакета, аккуратно расставили всё, как было.

– Вот ведь, блин, забыл что-нибудь наверняка, – заволновался Васёк.

– Забей, – примирительно хлопнул его по плечу Лёха.

– Блядь, парни, это будет просто ЭПИЧНОЕ видео, я вам отвечаю, – подал голос пятый юноша, Дрон, снимавший всё происходящее на камеру.

– Да заткнись ты!

– Выложишь на ютуб – пиздец тебе, – мрачно пригрозил

Васёк.

– Ладно-ладно.

Гурьбой вывалились на улицу, над чем-то смеясь. Тут как тут три бабки, вечно сидящие у подъезда Васька.

– Мальчики, почему не в школе?

Но пацаны, как обычно, не обратили внимания на это кудахтанье, лишь презрительно взглянув на разваливающихся старух. Что с них взять? Ничтоже сумняшеся, они устроили соревнования по закидыванию пакетов в мусорный бак.

Часто говорят о людях, которые в зрелом возрасте сохраняют в себе детские черты. Говорят в разных ключах: от «Ну что за детский сад!», до утверждений, что оставаться инфантильным – как раз важнее некуда. Человеку полезно сохранить свежесть восприятия, способность искренне переживать, удивляться и радоваться.

Но почему-то никогда не говорят, что среди нас есть как люди-дети, так и люди-подростки. И это категории не возраста, а склада характера, лишь по случайности ассоциирующиеся с периодами жизни.

Человек-ребёнок плачет, потому что ударился пальцем ноги о шкаф. Человек-подросток плачет, потому что мир несправедлив (причём не всегда именно к нему). Взрослый ребёнок не понимает и переспрашивает, взрослый подросток сразу понимает даже то, что ему непонятно, и рубит сплеча. Ребёнок задаётся вопросом «Почему?», подросток придира-

ется: «Какого хрена?». Первому хочется сладостей с труднодоступной полки («Как же мне хочется на остров Пасхи!»), второй выбирает то, до чего дотянуться несложно («Дайте мне вон тот портвейн»).

Подросток Игорь и подросток Марина, обнявшись, ехали в автобусе. Обоим было под сорок, оба с утра неоднократно замахнули. Они ехали и любовались на первый снег, скупо сыплющийся с неба. Вроде бы было романтично, но, как и других шестнадцатилетних (и тех, что в школе, и тех, что на пенсии), их обоих тянуло в койку.

Но тут мир напомнил им о своей мерзости и неустроенности: в автобус завалились пятеро мальчиков лет 14—15; их ржание резало слух, а шутки, над которыми они смеялись, вызывали оторопь, да и лексикон оставлял желать лучшего. Когда Игорь сделал им замечание, они заржали ещё сильнее, чувствуя свою силу и превосходство. На следующей остановке, не доехав до койки минут пяти, Марина потащила его на улицу, в свежую слякоть. Игорю стало до жути досадно, что он ну никак не мог что-то противопоставить этим зарвавшимся щенкам – мог только с презрением взглянуть им вслед.

«Хромые, зачерствелые монстры – вот кто мы. Карлики, упыри и инвалиды. То лучшее, что в нас было – осталось в глубокой юности, ушло вместе с ней. Мы постарели, даже толком не повзрослев. Моя нога болит в сырую погоду –

вот самое человеческое, что я могу о себе сообщить заинтересованному встречному. Вот только кто мною заинтересуется?» – так думал он, сидя в унылом автобусе и оглядывая пространство, когда глаз его зацепился за парочку алкоголиков, которые препирались с группкой подростков.

«Чудная демонстрация, нагляднее не придумать, – подумал Коля. – Вот моё прошлое: крикливые парни, которые хоть и примитивны и настроены воинственно и максималистски, но всё-таки хотя бы полны жизни и способны искренне переживать. А вот моё будущее: пара отвратительных алкоголиков, которые глушат вселенскую тоску – как бы они это ни называли! – телесной близостью и выпивкой. И чёрт его знает, что им на самом деле нужнее».

Презрительным взглядом Коля проводил Игоря и Марию, когда они сошли на одной из остановок. Сам он доехал до станции метро, проехал несколько остановок до центра и в переходе между станциями от нечего делать увязался за симпатичной девушкой – во всяком случае, при взгляде сзади она казалась очень симпатичной. Она изящно ходила на каблуках, а Коля это очень ценил.

– Девушка, постойте! – крикнул он, догнав её.

– Да отстаньте вы уже от меня, наконец! – закричала Тина на неприглядного молодого человека, который пристал к ней в метро, и никак не хотел откатывать – даже когда она вышла на улицу.

Она резко остановилась и грозно смотрела на парня. Было ему лет двадцать пять, а то и хиленькие тридцать, он был неопрятен, носил очки. Тина постаралась сделать взгляд как можно более суровым: она знала, что в общении с мужчинами взгляды работают лучше всяких слов.

Парень же продолжал что-то лепетать, но Тина слышала в основном обычное для Театральной площади приглашение на обзорную экскурсию по городу: «... А также со всех сторон объедем Храм Христа Спасителя, Московский Кремль, увидим памятник Петру Первому, Кутузовский проспект, деловой центр Москвы „Москва-сити“, Дом Правительства Российской Федерации...»

«Как же он жалок, – подумала Тина, презрительно осматривая его. – Я же даже не слышу, что он говорит. А он не понимает, почему я на него так смотрю. Надоело».

Тина также знала, что в общении с мужчинами телодвижения работают даже лучше взглядов – и отвесила пристававшему парню пощёчину. Невозмутимо пошла дальше, чуть погодя оглянулась: тот бредёт обратно к метро. Понял, видеть.

Профессор Зенкевич положил ноутбук на колени и открыл социальную сеть. Ввёл в поиске «Кристина Николаева», но сходу найти студентку не получилось. Профессор чуть пораскинул мозгами и вспомнил, что Николаева везде представлялась именно как Тина, несмотря на другое имя

в зачётке. Ввёл «Тина Николаева», уточнил, что поиск ведётся по Москве – и через минуту уже смотрел на страницу девушки.

Днём она отвратительно вела себя на пересдаче – она не знала дату Октябрьской революции (юбилей отмечали же как раз на днях, идиотка), а когда Зенкевич возмутился по этому поводу, она стала ныть, что к его предмету это отношения не имеет. Имеет – и наипрямейшее, настаивал преподаватель литературы Зенкевич.

Он сидел в полумраке недавно снятой квартиры, в которой почти не было мебели. Свет горел только в коридоре, так что комната была освещена лишь частично. Кудрявые волосы, бороду и очки профессора из мглы выхватывал свет дисплея ноутбука.

Зенкевич подумал, что, может быть, зря так взъелся на девушку. Ну, переволновалась, ну, забыла пару фактов. Скоро зимняя сессия, так что застарелые пересдачи принесут, наверняка, куда больше нервов (точно Зенкевич сказать не мог: сам никогда и ничего так долго не пересдавал). А так – нормальная, наверно, девушка, и к тому же симпатичная. Всё при ней, вот только с литературой нелады.

Но с каждой следующей фотографией его лицо становилось всё более хмурым. Судя по всему, девушку интересовали преимущественно накачанные татуированные мужчины, безвкусные кепки, тонкие шпильки и автопортреты со случайно подвернувшимися третьесортными знаменитостями.

Это был самый мерзкий тип молодых людей, с которыми Зенкевичу приходилось иметь дело. И с каждым годом численность этого типа трагически нарастала.

Зенкевич с отвращением захлопнул её страничку. Потом заварил чаю, прикурил сигарету и сказал себе: «Но всё-таки долго мурыжить её не буду».

Гастарбайтер Фёдор (а в сущности вполне себе Фархад) обновлял кухонную плитку в квартире, которую снимал рафинированный университетский профессор. Фархад был доволен этим подрядом, и планировал справиться за два дня, но уже первым утром, встретившись в подъезде с профессором, он почувствовал к нему резкую неприязнь или даже отвращение.

Всё в словах и поведении профессора было ему чуждо и неприятно: эти растрёпанные кудрявые волосы, эти вроде не то «молодёжные», не то «стариковские» очки, этот аккуратный наряд и главное – его речь, изворотливая и многословная. Его манера говорить подразумевала, что он хочет объяснить мысль как можно подробнее, но на деле выходило наоборот – смысл высказывания от слушателя утаивался.

Вечером, когда профессор вернулся со своих лекций и выпускал Фёдора на улицу, он увидел, какие у него длинные холёные пальцы, и едва удержался от того, чтобы не полезть с ним драться – так его раздрало от отвращения.

Выйдя из дома, он позвонил товарищу постарше и по-

опытнее: мол, сходи за меня доработай. Там несложно. А у меня что? У меня дела. Оплату хоть всю себе забирай, брат.

Договорились – отлегло. А то чем шайтан не шутит – придушил бы очкарика прямо там, на месте – а потом расхлёбывай.

Каждый год с наступлением морозов Морозов погружался в нестерпимую тоску. Казалось, весь знакомый ему мир летел навстречу неведомой угрозе – столкновение с ней было фатальным и неизбежным. А сам Морозов был атлантом, который, вместо того, чтобы держать на плечах более устойчивую конструкцию, был по ошибке помещён на нос корабля, несущегося прямо на скалы. Он должен принять удар первым.

А тут как раз этот низкорослый чуркобес – скрытая угроза, насмешливый вестник грядущей катастрофы.

В голове Морозова едва ли проносились столь возвышенные слова. Ему было не до этого: он каждый день упорно тренировался, чтобы быть готовым к любому вызову. Со временем он и сам стал напоминать скалу; грозным коромыслом выступало нагромождение мышц прямо у него из-за шеи. Руки были столь напряжены, что он выглядел так, будто бы всё время держал под мышками какие-то тяжёлые бочки. Когда он садился, ещё одну невидимую бочку ставили между его широко расставленных стоп.

Стоп. Он сел в поезд на Беляево и тут же столкнулся взглядом с человеком напротив. Это был небольшой коренастый гастарбайтер в рабочей одежде. Они проехали несколько остановок в сторону центра, не отводя взгляда друг от друга. Опустить глаза означало признать поражение.

Взгляд Морозова набряк презрением, в то время как иноземец смотрел ровно, спокойно – и будто бы думал все эти минуты о чём-то своём на своём тарабарском языке, так что даже если бы он взял и вслух оскорбил Морозова, тот едва ли смог понять всю его подлость.

Трудно сказать, кто из них кинулся на другого первым. А уж кто победил в схватке, не дано понять никому. Явно, не дружба.

Дружба народов обернулась боем между силой и изворотливостью, любой исход которого признаётся нечестным и неполным. И уж совсем наивно полагать, что этот бой закончился в те мгновения, когда несколько находящихся в вагоне мужчин, убедившись, что в схватке не применяется оружие (так бы бросились врассыпную), разняли дерущихся. Ведь между разными концами вагона, между разными районами города и между разными вселенными от одного к другому всё равно тянулась тонкая серебристая ниточка презрительного взгляда.

Этих ниточек множество – десятки, сотни тысяч, они проходят сквозь дома, пустыри и перелески. Они ныряют под землю и всплывают вновь, натягиваются между телефонны-

ми трубками и ноутбуками, подключёнными к интернету, они мерцают, то ослабевая и почти совсем исчезая, то натягиваясь с новой силой. Они образуют крепкую паутину, без которой – чёрт его знает! – быть может, всё бы и развалилось.

Окно тянуло к себе как магнит, засасывало, как водоворот. Он стоял перед распахнутым окном и не то чтобы осуществлял заранее задуманное, скорее тянулся к чему-то вечному, предначертанному.

Он испытывал нездоровый, патологический интерес к самоубийству. За свою слабость и безумие считал не желание покончить с собой, а свою нерешительность наконец это сделать.

Наконец он – очередная слабина – закрыл окно. Нет, успокоил он себя, выброситься из окна – смерть не мужественная, не символическая и не жертвенная, а до боли очевидная и простая. Поразмыслив, он отложил окончательное решение вопроса «на попозже» и вспомнил о планах на вечер. Там значилась встреча выпускников.

Через десять лет после выпуска все поистрепались и располнели. Мерзко было смотреть на этих людей, хотя прежде они были ему дороги.

Разговоры были такие: вот, дескать, мы выросли и, наконец, можем, стать одной командой и захватить весь мир. Этот отвечает за государственную власть, этот за экономику, а этот за законодательство. Каждый школьный класс – мо-

дель общества во всей его ущербности. Кем выбрали его – человека, ни с того ни с сего отслужившего в армии и провисевшего в неизвестности несколько лет, – он как-то даже не заметил.

Он присматривался к гогочущим лицам и удивлялся сам себе – как я мог считать их близкими себе хоть в чём-то? Перед ним сидела орава монстров, ни на сантиметр не повзрослевших – даже, сбросив с себя подростковый флёр понта, они стали ещё младше и ещё глупее.

– Вот смотрите, – подал голос накачанный как генно-модифицированный бык Морозов, – На первой остановке в автобус зашли трое. На второй остановке один вышел, а зашли четверо. На следующей остановке вышли двое, зашли шестеро. На следующей вышел один, зашло двое. Потом вышли пятеро, зашёл один.

Он выдержал паузу.

– Ну а на последней все вышли. Вопрос: сколько было остановок!?! – и Морозов сам захихикал, а потом засмеялись все. Потом кто-то спросил, откуда у Морозова под глазом синяк, он как-то неловко ушёл от ответа и снова стал шутить.

Аккуратно сдержав своё презрение к Морозову и остальным, самоубийца ненавязчиво положил на стол рядом с собой деньги, которые должен был за пиво – и вышел под предлогом «в туалет», незаметно прихватив с собой куртку.

Ну а с чиновником высокого класса Огородничим, в сущ-

ности, не случилось ничего интересного. Ну да, столкнулся в дверях ведомства с парнишкой, должно быть каким-то курьером (костлявое лицо без выражения, мешковатая куртка, в целом глупый вид), ну, выронил портфель из рук, ну, сорвался на сорванца, обматерил его, да и пошёл в кабинет.

«Ну надо же, – подумал Огородничий, – Сколько ни отгораживайся от них, всё равно придут в твой дом и всё испортят. Зря я, конечно, так кипячусь, но ведь и правда обезьяны какие-то криворукие. Мы им служим, колоссальный объём работы проделываем, а они хоть бы что – только и могут, что у нас предметы из рук выбивать. Зла не хватает, право слово».

Ну, позлился немного Огородничий, но потом всё-таки взял себя в руки и принялся за работу: надо же кому-то, в конце концов, трудиться на благо Родины.

Увидев очередную новость в интернете, Соня вспылала кипучей яростью, которая в последние недели стала для неё привычной. На иллюстрации к новости красовался крупный чиновник Огородничий – улыбчивый и молодой, в сущности, немногим старше самой Сони, – а уже руководитель какого-то департамента. Что-то там он заявил на каком-то там профильном заседании – в сущности, ничего примечательного, но один вид его кабаньей ряхи внушал Соне отвращение. Она закрыла страницу, особенно не вчитываясь в содержание новости.

Пора уже давать объявление «ненавижу по фотографии», подумала она. Ведь ненависти всё равно, по каким каналам сообщаться. Одного надменного взгляда хватит, чтобы сжечь некоторое количество нервных клеток, а пара гадких слов нет-нет да и вызовет икоту.

Можно сделать на этом бизнес, решила пофантазировать Соня. Нанять целый зал людей за компьютерами, которые посменно ненавидели бы неугодных людей на дисплее. Подобное можно было бы попробовать и с добрыми чувствами, но кто бы стал за такое платить? А за презрение – пожалуй-ста.

Потом Соня долго не могла заснуть – судя по всему, потому что пару раз за прошедший день улучала пятнадцать минут, чтобы просто подремать. Утром, несмотря на то, что на работу можно было подойти аж к полудню, ей едва удалось заставить себя встать, не начав звонить начальнице с лживым сообщением о собственной болезни.

Она вышла на улицу; было холодно, накрапывало, погода решительно не давала знать о реальном времени года. Хотелось уже поскорее добраться до метро, чтобы там – пусть бы и находясь в зарослях толпы – загородиться от всех книжкой или, и если удастся, сесть на скамейку и уснуть на драгоценные тридцать пять минут по прямой.

Но сначала надо было сесть на маршрутку, а эта зараза всё так и не шла. Соне стало досадно, что она не оделась потеплее – ветер прямо-таки пронизывал.

Вдруг девушка услышала где-то рядом с собой хриплый голос, что-то бормочущий и время от времени выкрикивающий, явно к кому-то обращаясь. Она идентифицировала источник этого звука: сбоку от неё стояла женщина, по которой сразу было видно, что она, мягко говоря, не в себе: она была втиснута в бесформенный серый плащ, раскачивала в руке чёрный шелестящий пакет, из-под капюшона выбивалась сальная рыжая прядь. Образ дополняли нелепые очки с толстыми стёклами. Трудно было сказать, сколько ей лет: может, и за пятьдесят, а может, и меньше сорока – с такими людьми возраст играет особенно причудливо.

При долгом взгляде на женщину Соня почувствовала себя дурно: безумная смотрела ровно на неё и всё это время обращалась именно к ней. Взгляд её пылал, так и повторяя: ненавижу тебя, дрянь этакая, терпеть тебя не могу. Интонация речи её была злобшей, но говорила она будто бы что-то совершенно безобидное:

– При обнаружении агрессивно настроенных групп граждан, в том числе несовершеннолетних, на станциях, в вагонах электропоездов, а также возле станций метрополитена, сообщайте об этом дежурному по станции, сотруднику полиции или машинисту поезда...

Соне захотелось заплакать или куда-нибудь убежать – таким гнетущим был презрительный взгляд сумасшедшей женщины. Потом она вдруг подумала: а если попросить её так не смотреть? Если попытаться убедить её в том, что меня

не за что ненавидеть?

Вскоре Соня поняла, что это бесполезно. Она вдруг вспомнила, что единственный способ повлиять на сумасшедшего человека – рассмеяться ему в лицо. Результат может оказаться неприятным, но во всяком случае дело сдвинется с мёртвой точки.

Но Соня никак не находила сил хотя бы слегка улыбнуться. Она старалась, но сил её мышц лица всё никак не хватало.

III

Уважаемые москвичи! Для вас работает бесплатная московская служба психологической службы населению. Психологи службы помогут вам найти выход из трудной жизненной ситуации, наладить отношения с близкими людьми и преодолеть стрессы. При обнаружении агрессивно настроенных групп граждан, в том числе несовершеннолетних, на станциях, в вагонах электропоездов, а также возле станций метрополитена, сообщайте об этом дежурному по станции, сотруднику полиции или машинисту поезда по устройству связи «Пассажир – Машинист» в вагоне электропоезда. Ням, ням, ням, ням, покупайте Микоян. Летайте самолётами «Аэрофлота». Храните деньги в сберегательных кассах. Отойдите от края платформы.

На Бога надейся, да сам не плошай. Делай, как надо. Съешь ещё этих мягких французских булок, да выпей чаю. Переходи на ноль: ноль рублей в минуту, начиная со второй минуты разговора! Не думай о секундах свысока. Я прошу, хоть ненадолго, боль моя, ты покинь меня. Я прошу, хоть ненадолго: поймай радугу, попробуй радугу.

Не клади сахар в чай, ешь конфеты, так будет вкуснее. Мой руки с мылом. Рой муки смыслом. Ни в коем случае не ругайся матом. Не открывай дверь незнакомцам. Не заходи в лифт с незнакомцами. Не разговаривай с незнакомца-

ми. Не смотри на незнакомцев. Не думай про белых обезьян. Следуй за белым кроликом. Любишь – отпусти.

Ни в коем случае не позволяйте детям играть с пакетом. О подозрительных предметах сообщайте дежурному по станции. В жаркую погоду избегайте открытого солнечного света. При обнаружении подозрительных лиц ни в коем случае не смотрите на них. Не рекомендуется также смотреть ни в одну из сторон света. Проявляйте бдительность. Любите Родину. С любимыми не расставайтесь. Если вы видите человека в чёрных очках и с белой тростью, помогите ему воспользоваться эскалатором. <...> Выдави раба по капле! Аффтар, выпей йаду!

Сообщите дежурному. Повторение – мать учения. Тяжело в учении, легко в бою. Просьба выйти из вагонов. Такой футбол нам не нужен. Будьте бдительны! Всегда, везде! Не позволяйте пробираться в наши пенаты чёрной гидре западной заразы! Восточной заразы, южной заразы, северной заразы. Заокеанские шакалы уже плывут сюда на плотках. Не нарушайте закон. Кто хочет поспорить – идите в парламент. Парламент – не место для дискуссий. Если с вами поступают несправедливо, обращайтесь в полицию. Идите в суд. Пока суд да дело. Был бы человек, а статья найдётся! Была бы статья, а человек найдётся! Нет человека – нет статьи. Нет статьи – нет проблемы. Делай, что должно, и будь, что будет! Не плоди сущности сверх необходимого! Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой! Или не посту-

пай. Как хочешь.

Поезд следует в депо. Уважаемые пассажиры, отойдите от края платформы. Молодой человек! Отойдите от края платформы! Да-да, вы, в синей куртке. ОТОЙДИТЕ ОТ КРАЯ ПЛАТФОРМЫ! А НУ ОТОШЁЛ ОТ КРАЯ, Я КОМУ СКАЗАЛА?

IV

ОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ

Какой же вопрос задать?

«Что это за девушка?»

Хорошо. Что это за девушка?

Это Соня. Допустим, просто Соня, без фамилии и без отсылки к Достоевскому. Обычная, а может быть и слегка необычная девушка, ей двадцать с чем-то, не замужем, живёт одна, беспартийная. Симпатичная.

Как она выглядит?

Средний рост, стройная, с маленькой грудью и красивыми стройными ногами. Волосы – русые (как и почти у всех). Близорукая, носит для дали прямоугольные очки, часто забывает их снимать. Одевается стильно, но скромно. Чёрное, лиловое, тёмно-синее. Красивое, благородное лицо, но красавицей её не считают.

Где она живёт?

На отшибе, неподалёку от кольцевой дороги. Каждое утро, чтобы добраться до работы, она проходит достаточно большое расстояние пешком, несколько минут ждёт марш-

рутки, доезжает до метро и едет до работы тридцать пять минут. А там ещё пять минут пешком.

Нет, в смысле: в какой квартире? Как выглядит её жилище? И так далее.

Однокомнатная квартира в доме-башне с одним подъездом и огромным межквартирным коридором. Соня снимает это жильё, сама она из другого города.

У неё есть достаточно просторная гостиная (она же спальня), продолговатая кухня и большой балкон. Мебель скромная – «икеевский» стол, «икеевский» диван, «икеевский» шкаф... Ну и далее по списку. Неустроенность её не пугает.

Почему?

Детство и школьный возраст Соня прожила в маленьком городке в глуши. Не то Хмуром, не то Жмуром – *tristesse oblige*. Каждый раз, когда она возвращается туда – погостить к семье, – ей становится тоскливо от одного вида этих пустынных улиц, покосившихся заборов и облупленных одно- и двухэтажных зданий. Так что её всегда смешат рассказы о том, как большой город делает людей одинокими и депрессивными – а где тогда жить веселее?

А кем она работает?

Как и у большинства жителей Москвы, у Сони нет конкретной профессии. В последнее время она SMM-менеджер

в рекламном агентстве, хотя любит представляться художницей. Но не будем заострять на этом внимание: работу свою она не любит и рассматривает её только как способ добывать и накапливать деньги, при этом настоящей художницей она всё равно никогда не станет. Похожих людей среди нас тысячи.

Это верно. Так что же в ней такого особенного?

Неясно. С одной стороны, ничего, а с другой – ... Ну вот возьмём, к примеру, её ход мыслей. Совершенно замечательные мысли, редкие для современной девушки. Вот отрывок из записей в её ежедневнике:

Волшебство не выдуманно и не забыто. Ему просто нужно другое словарное определение.

Пусть чародейством будут признаны действия, вроде бы не приносящие рационально объяснимого результата, но тем не менее этот результат есть. Это могут быть действия ритуального характера или действия, чей результат достигается настолько причудливым путём, что это остаётся для постороннего непостижимым.

Этак всё встанёт на свои места.

Волшебством занимается музыкант, какими-то неясными сочетаниями звуков и тишины лечащий человека от его душевных (а иногда и телесных) хворей. Над чем-то своим колдует учёный, в точности не знающий, какую пользу принесёт его открытие (и случится ли оно). Погруженный

в транс шаман выходит на поле и заталкивает непонятный снаряд в промежуток между двумя столбами – и этот бессмысленный ритуал влияет на настроение миллионов.

Маг вроде бы и не занимается настройкой сложных приборов, не скрепляет кирпичи цементом и не убеждает крупных начальников в необходимости инвестировать в добро. Но он делает нечто более сложное. Или более простое. Поди уж тут объясни: колдовство.

Если бы я знала, что это такое, когда была ребёнком, на вопрос «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?», я бы всенепременно отвечала: волшебницей.

Может быть, люди даже делятся на тех, кто в детстве хотел быть волшебником (волшебницей) и принцем (принцессой)? На тех, кто хотел самому творить новые сущности и на тех, кто хотел всего и сразу?

Ну вот, допустим, именно этим наша Соня и уникальна. Тем, что хотела в детстве стать волшебницей, да не стала. Зато смогла всё это себе рационально объяснить.

Слабовато. Может быть, есть за ней что-нибудь ещё примечательное?

Скажем, ей сонливость. Да, комически оправдывает себя её имя. Соня способна заснуть абсолютно в любой позе, при любом шуме, в любых обстоятельствах. По выходным она валяется в постели до двух часов дня, чтобы часов в шесть

снова ненадолго заснуть. Пару раз она даже спала стоя.

И какие она при этом видит сны?

Во сне продолжают её чудные размышления. Однажды, раздумывая о количестве учеников в школьном классе, Соня задремала и дошла дофантазировалась до построения в центре Сибири новой столицы России, в которой все дома связаны подземными ходами – в основном, ради того, чтобы идущие в школу ученики не мёрзли на нечеловеческом морозе. А в другой раз она придумала целую разветвлённую террористическую организацию, взрывающую кабинеты злых чиновников во имя вселенского добра.

Или вот: она представила, как работает в издательстве и придумывает чудесное нововведение: вместо аннотации на задней стороне обложки книги помещать список книг, на которые данная книга хочет быть похожей. У детективных авторов на обложке курсивом были бы вписаны Кристи и Конан Дойль, у фантастики – Стругацкие да Толкиен, у современной русской литературы – Гоголь и Пелевин (у этой книжки – видать, Дёблин, Джойс, Зощенко и Сорокин).

Та история, которая с ней приключилась, тоже оказалась сном?

Нет, вряд ли. Разве что если мы допустим, что она ехала с работы, задремала на тридцать пять минут, и в голове её пронесли во всех подробностях события, растянутые

на несколько часов.

Перейдём к этому случаю. Когда это случилось?

В обычный, в сущности, зимний день. Не то незадолго до Нового года, не то вскоре после него, когда уже начались рабочие дни. Во всяком случае никакого праздничного настроя у Сони не было.

Что делала Соня перед тем, как началась эта история?

Праздновала что-то на работе. Кажется, чей-то день рождения. Подливали ещё и ещё, выбегали раз за разом покурить на обдуваемый четырьмя ветрами балкон. Соня выбралась оттуда с трудом, зацепившись за соседку по столу, за которой заехал муж. Перепутав направление, он высадил её у какой-то отдалённой станции метро, от которой домой нужно было ехать с двумя пересадками. Соня опоздала на маршрутку и в итоге ловила машину.

Пытался ли водитель завести задушевную беседу?

Ехать было недалеко (хотя пешком там идти минут двадцать), так что на долгий разговор времени просто не хватило бы. Но да, он действительно попытался.

Какие темы были затронуты?

Откровение Иоанна Богослова, засилье черножопых, состояние внешней политики РФ, планы Сони на выходные.

Соня этих тем не поддержала и, расплатившись, вышла из машины и пошла домой.

Сколько денег получил таксист?

Сто рублей.

Что произошло, когда Соня пришла домой?

Она как обычно вошла, зажгла свет, сняла обувь и пальто, прошла в комнату и свалилась на диван лицом вниз. Некоторое время лежала так, перебирая события дня. Затем прошла на кухню, где заварила себе чаю, некоторое время попила его и, не допив чашки, пошла в ванную, умылась, почистила зубы, погасила везде свет и легла спать.

И что, неужели это и был тот интересный случай, что с ней произошёл?

О нет. Когда она легла спать, она долго ворочалась – давало о себе знать лёгкое опьянение, после которого Соне всегда спалось ещё тяжелее, чем обычно в постели (будь она в поезде, в кафе или на работе – она бы уже спала). Ей не давала покоя мысль об открытой двери.

О какой-то конкретной открытой двери или о некоей абстрактной, всеобщей Открытой Двери?

Да нет, это была простая открытая дверь, вполне конкретная. Дверь в дверь с её квартирой располагалась другая,

двухкомнатная. И там была открыта дверь – Соня заметила это, когда возвращалась домой, отпирая свою дверь.

Не слишком ли много слова «дверь»?

Возможно, но так или иначе это слово только и крутилось в Сониной голове. Поначалу она не придавала значения этому вполне обыденному обстоятельству, но теперь оно заняло все её ворочающиеся мысли.

Была ли дверь открыта только вечером? Или утром, уходя на работу, Соня тоже видела, что дверь открыта?

Ей это было вовсе даже не известно – и это подогревало интерес.

Знала ли она человека, живущего в этой квартире?

Въехала она недавно, и познакомиться с ним ей не представлялся случай. Хозяйка квартиры о жителе (жителях) той квартиры ей ничего не говорила. Стало быть, никто такой особенный там не обитал.

Удалось ли Соне побороть тревожные мысли и погрузиться-таки в блаженный мир грёз?

Нет. Она встала, набросила халат, надела тапочки и пошла посмотреть, что там за дверью.

В квартире был включён свет?

Нет, там было темно. Соня нащупала выключатель.

И что же она увидела?

В квартире явно никого не было. Соня прикрыла за собой дверь и прошла по комнатам – они были заметно захламлены, но никаких следов кражи или какого-то иного вторжения не было.

Как была обставлена квартира?

В ней явно жили несколько поколений семьи, но теперь оставался только один человек – неряшливый молодой мужчина. Он спал на диванах в двух разных комнатах – одна была вроде как «спальной», другая – вроде как «гостиной», но эти функции комнат давно размылись. Там и тут были видны какие-то грязные тарелки и чашки с засохшими чайниками, по углам притаились клочья пыли. Вместе с тем это жилище выглядело почему-то достаточно свежо – неясно, что именно создавало такое впечатление (фотографии ли, нарочито небрежно развешанные по стенам, а в одном месте даже на тянувшуюся через комнату верёвку; или, быть может, дорогие массивные колонки). Жил здесь явно человек европейский – такой, кого в прошлом веке назвали бы «продвинутым». Картину вершила вытянутая трубочка со скромной горкой пепла в чубуке – пепла едва ли табачного.

Почему Соня не покинула квартиру?

Она увидела аквариум, и включила в нём свет. За ним явно давно не ухаживали — вода слегка зацвела, — так что она решила покормить чудом не передохших рыбок. Она на столе у аквариума какую-то распечатку и машинально стала её читать.

Что это был за текст?

Это была художественная проза, написанная и распечатанная спешно — текст располагался на бумаге криво, были заметны опечатки. К тому же, это была распечатка без начала и без конца текста (будь то рассказ или глава романа). Строго говоря, это были всего лишь несколько страниц, откуда-то вырванные.

И что там был за сюжет?

Некий пожилой мужчина (имя его менялось по ходу текста), сопровождал юношу, от имени которого велось повествование (возможно, между ними была родственная связь), на чердак, где была оборудована целая лаборатория: полки, забитые стопками бумаг, какие-то приборы и пробирки. Вроде как старик сам построил эту лабораторию в тайне от родных, прорубив путь на чердак в потолке собственной комнаты. Главным плодом его работы был телескоп, вставленный в дыру в потолке.

— *Моя конструкция, — с гордостью сказал он, смахнув слой пыли с неуклюжего деревянного корпуса телескопа. — Я*

провёл за изучением звёздного неба сотни и тысячи вечеров. Иногда мне кажется, что вся моя жизнь состояла только из этого. Никто об этом, конечно, не знал, и я не хотел, чтобы кто-то узнал, но всякому секрету суждено когда-то быть открытым, иначе какой же это секрет.

Потом он включил свет над ещё одним большим столом, напоминавшим те, над которыми с тревожным видом склоняются офицеры-киногерои; в мирное время такой стол сошёл бы за бильярдный или покерный.

Он достал из шкафа ватманский лист с нанесёнными на него сотнями мелких пометок, и пригласил меня взглянуть на него. Когда я наклонился над бумагой, я понял, что это – карта звёздного неба. Вернее, я не мог сказать об этом со всей уверенностью, так что скорее это просто был огромный лист с отмеченными на нём точками с подписями, обозначающими звёзды. В каких-то местах их связывали тонкие карандашные линии.

– Я знаю, что ты хочешь сказать: дескать, ну и чем ты меня удивить захотел? Всё это изучено и так. Справедливо, я и сам ещё совсем недавно считал, что это так. Но в результате многолетних исследований мною была выработана гипотеза, которая открывает нам глаза на многие вещи, которых мы не могли понять десятилетиями. А ведь это так просто!

Где-то слышал, что в таких ситуациях нужно проявлять особенную учтивость. Я деловито сцепил руки за спи-

ной и принял такое выражение лица, будто прислушиваясь к словам старика. Случайно увидев себя в тусклом зеркальце, я подумал, что мне в этот момент к лицу было бы пенсне.

Старик, впрочем, заявил, что рассказывать ничего не будет, а просто покажет на пальцах. Он достал из ящика несколько толстых разноцветных маркеров. Подмигнув мне, он взял красный маркер и аккуратно соединил ряд звёзд – так, что получилась неровная линия, пересекающая небосвод по диагонали.

– Ничего не напоминает? – с игривой интонацией сказал он. Я покачал головой, на что он ответил: – Ясное дело, пока ничего. Смотри дальше.

Он взял зелёный маркер и провёл похожую линию перпендикулярно первой. Между ними сверху вниз пролегла линия серого цвета.

– Всё ещё не понимаешь?

– Нет.

– Эх ты! Пространственного мышления тебе не хватает, вот что. Ладно, сдаёшься?

– Сдаюсь.

Тогда старик взял коричневый маркер и аккуратно начертил в центре окружность. Я ахнул (может, я и не издавал звуков, но ощущение было как раз такое: ах!) и присмотрелся к карте: около каждого названия звезды рядом совсем уж маленькими буквами были приписки: «Университет», «Парк

культуры», «Аэропорт».

– Теперь понял? – старик выдал мне несколько маркер-
ов. – Дальше сам, если не дурак.

Я старательно начертил оставшиеся линии – получается, карта звёздного неба была искажённой, но сохраняющей свои основные очертания картой московского метро.

– Ботанический сад, Свиблово, Бабушкинская, Медведково, – старик закончил проверять оранжевую ветку. – Малое Медведково, Большое Медведково... Я всего-то лишь открыл новое созвездие, но зато оно вобрало в себя множество старых. Я назову его Созвездием Осьминога.

Я посмотрел на стол – действительно, на звёздном небе лежал кривоватый, уродливый, но по-своему обаятельный осьминог. А мы сами находились в его голове – какую бы систему координат ни признать за основную.

Дальше текст уходил совсем в другую сторону – герой обращался к каким-то воспоминаниям – а потом снова вроде бы выворачивал на тему созвездия Осьминога: вроде бы, согласно сюжету, с древнейших времён вся концепция города Москвы была согласована с неким полуязыческим тайным орденом, так или иначе манипулировавшим властями России. На самом интересном месте текст обрывался.

И что было потом?

Соня огляделась вокруг в поисках продолжения. Через некоторое время она обнаружила, что множество подобных

распечаток разложено по разным углам квартиры. На первый взгляд их присутствие было ненавязчивым, но если присмотреться, можно было обнаружить их везде. Буквы были представлены во всех возможных вариациях: распечатки, рукописи, кое-что было напечатано на машинке. Соня нашла пару исписанных тетрадей – в клеточку и в линейку. Бумагами были заполнены урны на кухне и в обеих комнатах. Кое-что лежало в туалетном ящике в ванной комнате.

Был ли на этих распечатках тот же текст или его продолжение?

Соня не нашла этому никаких свидетельств. Это всё были разные тексты, в разных жанрах (проза, стихи, эссе, воспоминания, дневники и чёрт ещё знает что) и, насколько Соня могла судить, совершенно разного качества. Она взяла телефон и вбила в гугл первые строки нескольких страниц – никто и никогда не складывал слова в таком порядке, так что, очевидно, найденные ею листы были заполнены произведениями обитателя этой квартиры. Совершенно забыв об усталости, она принялась читать эти бумаги – и с каждой новой кипой бумаг она понимала, что живёт в этой квартире если не гений, то, во всяком случае, кто-то ей очень близкий.

Когда Соня ушла из квартиры?

Уже светало. Она перебрала множество бумаг, но ни в какую систему они не складывались – это были совершенно

оторванные друг от друга фрагменты разных произведений, которые должны быть либо закончены, либо каким-то причудливым образом объединены. Ей было понятно, что покинувший квартиру жилец – человек импульсивный, нервный, неповоротливый – и ей было страшно, не случилось ли с ним чего-нибудь. Она решила обязательно прийти туда вновь и поговорить с интригующим соседом.

Удалось ли ей это?

Спустя пару дней Соня позвонила в дверь, но там не открывали. Она нажала на дверь и поняла, что в квартире ровным счётом ничего не изменилось. Заметив, что рыбки в аквариуме не кормлены, она покормила их – хозяин, видимо, уехал в отпуск, да не позаботился о рыбках. Повезло же ему, что нашлась такая ответственная Соня, которая случайно попала в его квартиру и спасла рыбок от гибели!

Вернулся ли хозяин из отпуска?

Нет, не вернулся. Через несколько недель знакомства с этой квартирой Соня поняла, что ни в какой отпуск он и не уезжал – видимо, с ним действительно что-то случилось: сошёл с ума, погиб или бросил всё и уехал из города навсегда. С пониманием этой мысли Соню нещадно захлестнула тоска.

Насколько подробно Соня изучила творчество соседа?

Она прочитала несколько десятков распечаток, но их было гораздо больше. Соня была убеждена, что в этой квартире жил новый Кафка – гений-отшельник, который забросил своё творчество и исчез (хорошо ещё, что он не попытался здесь ничего поджечь). Она приняла решение сохранить его творчество для истории.

Что она стала для этого предпринимать?

Она стала приходить в квартиру каждый день после работы и строго систематизировать найденные распечатки, классифицируя их по жанрам, местам их расположения в квартире, а также по типу самого носителя информации (распечатка, рукопись, тетрадь и т. п.). Она бережно раскладывала тексты по папкам, сканировала или, при необходимости перепечатывала их, потихоньку сводя их в крепкое собрание сочинений. Работа над рукописями совсем избавила её от привычной сонливости. Тем не менее ей грезилось, что автор будет найден уже когда книга будет опубликована (под каким-нибудь урбанистическим названием, что-то вроде «Забытые вещи»). Он войдёт в квартиру, и вместо вороха неясных рукописей его будет ждать на столе книга в подарочном издании. А если бедняга всё-таки погиб, то здесь будет организован необычный дом-музей, который будет являть собой его квартиру именно в том виде, в котором однажды ночью её обнаружила Соня.

Надо думать, всё сложилось не так, как она ожидала?

Да. Однажды, когда Соня поздним вечером перебирала бумаги загадочного автора, она услышала скрип открывающейся двери (всё это время она ни разу не заперла дверь – хотя бы потому, что у неё не было ключей). Она бесшумно выбежала в коридор – в дверном проёме стоял незнакомый ей человек.

И что было потом?

Расскажу потом.

V

Нет, это я тебе всё расскажу сейчас, милоч, как оно бывает.

В СЕРОМ-СЕРОМ ГОРОДЕ

Как-то раз, проснувшись утром, одна девочка нашла у себя под дверью СЕРЫЙ КОНВЕРТ. Цветом он был похож на невкусный кисель, который в школьной столовой черпали половниками и выплёскивали в гранёные стаканы.

Девочка спросила у соседей по коммуналке, не видели ли они, кто принёс этот конверт. Никто из соседей не видел, и девочка решила, что конверт принесли её маме, которая сейчас была в командировке. Открывать его девочка не стала: положила конверт на комод, и к вечеру совсем об этом забыла.

Но ночью девочку разбудил незнакомый голос. «Открой меня, открой меня», – слышала она. Это говорил СЕРЫЙ КОНВЕРТ на комодке, дёргаясь и слегка подпрыгивая.

Девочка очень испугалась, но не захотела притрагиваться к конверту. Она накрыла голову подушкой и решила просто не обращать внимания на происходящее. Через некоторое время шум как-то сам собой утих.

Утром девочка взяла конверт и выбросила его в мусоро-

провод. Но когда она вернулась из школы, он снова лежал на комод.

Ночью она вновь проснулась от шума – на этот раз от страшного грохота, который стоял по всей комнате. И снова кто-то говорил «Открой меня!», но теперь дёргался и разговаривал не только СЕРЫЙ КОНВЕРТ, но и сам комод, на котором он лежал. Комод приплясывал на месте, грозно хлопая дверцами.

Девочка снова накрыла голову подушкой в надежде, что этот ужас прекратится. Но это всё продолжалось и продолжалось. Ей не удавалось уснуть до самого утра, пока первые лучи рассвета не проникли в комнату девочки. С этими лучами комод вдруг остановился сам собой.

Днём девочка взяла конверт и пошла на Большой Устьинский мост. Она кинула конверт в воду Москвы-реки в надежде, что её воды понесут конверт вниз – сперва в Оку, потом в Волгу, а потом, наконец, в Каспийское море. Географию девочка знала очень хорошо. Эта девочка вообще была очень хорошей девочкой.

Так или иначе, в третий вечер конверт вновь оказался на комод. Девочка заплакала, но вскоре вновь уснула, так как за предыдущую ночь почти не выспалась.

Ночью она проснулась от страшного грохота и тряски. Вся комната ходила ходуном. Комод, шкаф, стол, стулья и кровати – всё плясало и подпрыгивало и велело девочке открыть конверт. Им вторил хор стаканов, тарелок, вилок, ло-

жек и ножей. Сам СЕРЫЙ КОНВЕРТ висел посреди всего этого бала мрачным серым фантомом.

Девочка не смогла больше терпеть, вскочила с трясущейся кровати и разорвала конверт. Внутри был всего-то лишь какой-то порошок. Всё быстро стало на свои места, а девочка тут же упала без чувств с половинками конверта в руках.

Утром мама вернулась из командировки и обнаружила, что дочь её страшно больна. Доктор сказал, что она подцепила страшную заразу – АФРИКАНСКУЮ ЧУМУ СВИНЕЙ. Штамм этой болезни и хранился в зловещем сером конверте...

Девочка долго и мучительно болела, а потом умерла. Так никто и не узнал, какая же она была хорошая.

.
<...>

А ещё один интеллигент мечтал о революции.

Он жил в своей тёплой просторной квартире с эркером на Чистых прудах. Интеллигент любил сидеть у окна, налить себе чаю и макать в него бублики и пастилу, которая была разложена перед ним на красивой тарелочке. Он курил папиросы через длиннющий мундштук и смотрел, как идёт снег над Чистым прудом, который когда-то назывался Поганым болотом.

Так вот интеллигент так мечтал о революции, что устраи-

вал у себя дома спиритические сеансы, на которых он просил духов предков как-нибудь устроить революцию. Духи предков вроде бы многое обещали, но на деле обещанного совсем не выполняли. Интеллигент вздыхал и думал о том, что на том свете все тоже жутко безответственные. Наливал себе ещё чаю, и раскладывал перед собой на тарелке свои любимые мягкие французские булки.

Но вот однажды интеллигент услышал голос.

– Добрый вечер, Аристарх Плутониевич.

Ему показалось, что разговаривал кто-то знакомый. Вроде бы это был один из беглых еврейских бандитов, которых интеллигент укрывал у себя дома, проникнувшись их симпатиями к Марксу.

– Добрый вечер. Только меня по-другому зовут...

– А это не важно. У меня для вас важное сообщение. Извините, я с мороза...

И действительно, на интеллигента повеяло холодком, хотя окна были плотно закрыты. За окном был суровый морозный февраль, и от скуки и холода так хотелось писать стихи...

Долго ли, коротко ли, невидимый гость с мороза изложил интеллигенту свою просьбу. Интеллигент должен был ровно в полночь выйти на центр Поганого болота, постучать по льду и спросить: «Как пройти к библиотеке?». Это, значит, такой пароль.

Ночью интеллигент надел свою лучшую шубу, валенки, галоши и каракулевую шапку, и при параде вышел на хруп-

кий чистопрудный лёд. Отмерив центр, он встал на четвереньки и посмотрел на часы. Немного подождав, он ровно в полночь постучал по льду и спросил «Как пройти к библиотеке?».

Глухой, раскатистый голос из пруда медленно ответил ему: «Ещё не время». Смекнув, что речь идёт о приближающейся революции, интеллигент сказал:

– Может быть, вы как-нибудь поторопитесь? Народу уже не терпится.

– Провентилируем, – уверенно сказал голос.

Весь следующий день интеллигент читал газеты и помечал карандашиком возможные признаки приближающейся революции. Он потирал руки и весь прямо-таки притопывал от радости.

В полночь он повторил процедуру. Подлёдный голос даже обсудил с интеллигентом проблемы страны. Надо сказать, не во всех взглядах они сошлись, но революционный порыв собеседника интеллигент оценил.

На следующий день из Петрограда стали поступать тревожные вести. На улицах Москвы только об этом и говорили.

На третью ночь интеллигент вновь вышел на середину пруда и ровно в полночь постучал по льду.

– Как пройти к библиотеке? – спросил он и нетерпеливо добавил, – Самое время, промедление смерти подобно.

– Это мне не страшно, – усмехнулся голос. – А впрочем, вы правы.

Тут лёд под ногами интеллигента пошёл трещинами. Интеллигент попытался встать, но его правая нога провалилась в ледяную воду.

– Лёд тронулся, господа присяжные заседатели! – раздался из-под льда еврейский прононс таинственного духа.

Нечто грозное вырвалось из Поганого болота и взмыло в воздух. Это был страшный ДУХ РЕВОЛЮЦИИ, который законсервировал в пруду ещё герцог Меншиков. А теперь западные еврейско-фашистские комбинаторы проспонсировали его освобождение. Дух немного полетал над Москвой, окропив зловонной моросью её славные улицы, и улетел в Петроград делать большие дела.

А интеллигент, барахтаясь и ломая лёд, с трудом выбрался на берег. Он весь вымок и окоченел. По улицам бегали бородатые мужики с бешеными глазами и с факелами в руках. «Революция! Революция!» – слышались крики.

Несколько мужиков окружили переходящего улицу интеллигента.

– Да здравствует революция, – неуверенно поприветствовал их интеллигент.

– А что это ты у нас такой мокренький?

– Так в пруду плавал.

– Простудится же.

– И правда.

– Мокренький – так давайте посушим. Вот и верёвочка сгодится.

Так и вздёрнули мужики интеллигента на фонарном столбе, не оценив его бесценный вклад в историю мировой революции. А ведь говорила интеллигенту мать (и как в воду глядела): «Не лезь ты в это дело, сынок, тебя же первым на столбе и повесят».

Мы ранешенько вставали
Бела лица умывали
Вокруг поля ходили
Егорья окликали
Макарья величали
Егорий наш храбрый
Макарий преподобный
Ты храни нашу скотинку
В поле и за полем
В лесу и за лесом
Под ясным солнышком
Под светрым месяцем
От зверя лютого
От зверя хитрого
От ЕВРЕЯ лукавого

Ну это всё брехня и детский лепет. Спросите любого здравомыслящего человека, и он доходчиво объяснит вам, что это вымысел и бредятина. У меня на это времени нет. Но вы будьте уверены, что я в курсе ситуации. Я читаю те газеты, которые вы не читаете. У меня богатая информационная база.

Я такие истории знаю, что у вас волосы дыбом встанут, кстати, про дыбу, тоже вот был случай. Один мужик ходил в огород к коммерсанту и воровал огурцы, и его прямо на грядке на дыбу и вздёрнули, хотя мужик думал, что это турник.

А вот одна женщина всё время покупала *неправильные* овощи и фрукты, ГМО, или как там. И вот однажды у неё позеленел палец. А она продолжила покупать ГМО. А потом у неё позеленел нос. Но она продолжила покупать ГМО. В конце концов она вся позеленела и выросла в кресло. А из головы её начали расти ветви, на которых висели яблоки, состоящие из человеческого мяса. А она стала есть эти яблоки, а они снова вырастали. А потом она умерла.

А один мужчина поздно вечером встретил в метро крысу размером с собаку. Он сцепился с ней и так увлёкся борьбой, что уехал вместе с поездом в депо. В конце концов он перегрыз крысе горло и довольный вышел из поезда, но было уже поздно. Он попал в *ДЕПО*, если вы понимаете, о чём я. Его тут же схватили и засунули в специальный автомат, который причиняет человеку жуткую боль, если не крутить педали. Он оказался среди тысяч несчастных, которые случайно уехали в *ДЕПО* и крутили педали, обеспечивая электричеством весь метрополитен. Они крутят педали даже во сне. А потом в мужике заиграла выпитая им крысиная кровь, и он перестал чувствовать боль, которую причиняет автомат. Поняв это, он ещё некоторое время для вида покрутил педали,

а потом собрался с силами и выбрался из автомата. И покусал всех вокруг. Они перестали крутить педали, и все поезда метро встали. И стояли так, пока не включили резервное питание. А люди-крысы разбродились по метро и так там и живут – наружу они не выбираются, потому что не выносят яркого света. Но время от времени люди в метро пропадают – их похищают люди-крысы для своих страшных иудейских жертвоприношений.

А один перспективный молодой человек работал журналистом и бесстрашно разоблачал коварные планы Америки по колонизации Сибири. Он также доблестно открывал людям глаза на ужасы мирового сионизма, поработивших и развративших весь западный мир. Так вот однажды ему позвонил лично Збигнев Бжезинский и предложил ему *ПРОДАТЬСЯ* за гранты и немного *пошакалить* у Спасо-Хауса. Перспективный молодой человек доблестно отказался, на что Бжезинский ответил ему: «Ты об этом ещё пожалеешь». Журналист плюнул и взялся за очередное расследование: согласно добытым им эксклюзивным данным, имело место очередное *искажение истории*... В общем, когда перспективный молодой человек уже заканчивал последний абзац, его квартиру разбомбил американский *БЕСПИЛОТНИК*. А по телевизору сказали, что это газ взорвался. Вон куда прокрались, шельмы. Прислушивайтесь к сообщениям о взорвавшемся газе – это вполне могут оказаться беспилотники.

Что там ещё? А, одна молодая девушка не знала, чем ей в жизни заняться. Её родители были ликвидаторами в Чернобыле и недавно умерли. И некому девушку было на путь истинный наставить. И вот она стала ходить на похабные спектакли, слушать запрещённые песни и читать нехорошие книги. Разумеется, вскоре как коршуны на неё налетела дурная компания. Она стала пить, курить, драться. Потом и парня себе нашла из этих. Он современным искусством занимался, волосы ещё у него были по бокам все сбриты, и серьга в ухе. Он вообще и другими парнями не брезгал, но вот на этот раз со своими грязными целями совратил невинную девушку. А потом ещё рисовал ей по голому телу красками. И вставлял ей серьгу в нос. И что-то там ещё с фекалиями её заставлял делать. А она думала, что это всё весело. Потом оказалось, что он ещё и кришнаит. И читает Коран каждый день. И организовывает на Арбате специальный спектакль, оскверняющий православную веру. В этом спектакле люди ходили голые по улице, производили бесовские дрыганья и много матерились. И призывали всех окружающих к ним присоединиться. Взрослым людям хватало силы воли отказаться, а вот многие несовершеннолетние дети соблазнялись на предложенную им *АНАШУ* и вкалывали её себе в вены прямо там. И потом лежали голые на земле. В общем, страсти какие-то. А потом этот негодяй совсем уж учудил. Он придумал такую, значит, как они это называют, художественную акцию, в ходе которой девушка должна была

изображать шахидку и кричать «Аллах акбар!» и взрывать себя в центре города. Только это не по-настоящему. Девушка приехала, куда ей сказали, вся одетая в шахидское одеяние, и закричала «Аллах акбар!» и дёрнула за чеку или что там. А бомба оказалась настоящая, и она взорвалась. Бомба была правда несильная, так что никто, кроме самой девушки не погиб (эти мрази даже бомбу нормально сделать не могут, руки у них изнеженные и кривые). Хоронили её в закрытом гробу.

А один ещё студент *КОСИЛ ОТ АРМИИ*. Был он здоровый, мускулистый и высокий парень – казалось бы, в самый раз пойти отслужить и стать настоящим мужчиной. Но нет, зараза, лень его взяла. Придумал себе болезней всяких разных, симулировал их, и избежал призыва. Но всё тайное становится явным. А именно – сначала глаза у него как-то этак закосели, потом плоскостопие в терминальной стадии, ну а потом и воспалилось что-то внутри, так что парень и умер на следующее утро. Мораль: врать нехорошо.

Так что вот что происходит, а не то, что вы мне тут травите.

VI

НЕЗДОРОВЫЙ ИНТЕРЕС

Налево пойдёшь – смертью умрёшь.

Пойдёшь прямо – сдохнешь.

Направо пойдёшь – умереть не умрёшь, но и живъ не будешь.

фильм «Счастье» А. Медведкина

1,5% людей умирают в результате самоубийств. Самоубийц больше, чем забытых до смерти, утопших, сгоревших и гибнущих на войне.

по данным Wikipedia

Ни в коем случае нельзя закрывать затворку печной трубы, и вообще в доме, в четырех стенах, сидеть не рекомендуется. Яблоки осиротели с деревьев, плотно заштриховали сад, в углу стоит прицеп, прикрытый брезентом. Я метая яблоки в прицеп – если попадаю, делаю шаг назад и подбираю новое яблоко, если промахиваюсь, делаю шаг вперёд и подбираю новое яблоко. Любимая игра – никогда не нужно искать партнёра. Цель игры – пятиться и добраться до противоположной прицепу ограды сада, пока добиться этой цели не удавалось. В прицепе яблоки уже собрались в кучу, вокруг их не меньше, если не жужжат дедовы инструменты, в саду

только и слышно, что стук ржавых плодов о ржавое железо, я хожу по примятым сорнякам, крапиве, колодец накрыт серой деревянной крышкой, если повернуть кран, из шланга будет бить вода, земля рыхлая и черная, специально завезенная из далекой страны Черноземье (страна поэтому так и называется, о ней часто говорят в прогнозе погоды, чтобы землю хорошую завозили).

В огороде бузина, а у дороги чибис.

Облепиха, клетчатая клеёнка на столе, хлебные крошки, чай. Иногда этот стол обрадует зелёным луком, иногда – какао из банки, иногда утомит супом, который почему-то считается очень вкусным. Разговоры тоже на разный лад. Когда-то я давился до слёз невкусной картошкой под рассказ о том, как какой-то толпе людей приносили какие-то важные камни с горы, когда-то никак не мог засунуть в рот вилку с печенкой под увещевания о загадочном времени, когда кому-то из родственников из-за нехватки еды пришлось сварить собственный кожаный ремень. Но сейчас я одну за другой разрываю зубами ягоды крыжовника, выедаю мякоть, а кожуру бросаю в специально отведенное для этого блюдечко, а мне рассказывают всегда увлекательное и всегда страшное, а потому увлекательное, сказание о печной трубе.

Помнишь, почему ни в коем случае нельзя закрывать заставку печной трубы в твоей комнате, когда рядом нет старших? На всякий случай напоминаю: когда в печи огонь, вверх поднимается дым, а дым содержит опасное веще-

ство, которое, как бы объяснить... Представляешь себе море? Страшно в нём утонуть, так? Так вот, этого опасного вещества одна вот такая чайная ложка – больше, чем целое море. Из моря тебя можно достать и откачать, а после отравления – заснёшь и больше не проснёшься. Был тут один, парень, лет двадцати, заперся в доме и точно такую же задвижку не вовремя задвинул – и привет! Такое было горе... Выглядел, конечно, не как утопленник, но приятного мало. Смерть – вообще такая штука. Мементо море!

Ложка больше моря
Какое было горе!
Момент – и в море
Мemento горе!

А вообще эта затворка для того, чтобы тепло от прогоревших углей оставалось в доме. Повзрослеешь чуть – научу тебя правильно следить за огнём. Когда все дровишки как следует прогорят, от них остаются только угольки, у них пламя слабое, безопасное. Тогда можно уже и закрывать затворку, но тут масса всяких тонкостей... В общем, рано тебе ещё об этом знать, мой юный друг.

Трогать затворку страшно, потому что умирать страшно – об этом говорят по телевизору. Новости из большого мира: очередные тридцать четыре смерти в большом городе, а у нас за ужином – у кого пиво (однажды тайком доставал из холодильника: такое горькое, что я зажмурился, потом искал

в саду листья мяты – рвал и пихал в рот), у кого брусничная вода (не такая горькая). Плита почему-то разогревается очень долго, зато поджаренное здесь, меня искренне в этом убеждают, – вкуснее городского в разы. Ужин я уплетаю обычно гораздо прилежнее, чем обед (у ужина есть значительное преимущество – гарантированное отсутствие супа); настроение к вечеру всё уютнее, но после каждого завораживающего рассказа о чайной ложке, в которой можно утонуть, ещё долго тянется ощущение, что смерть всё время несёт вахту где-то рядом.

Мы со случайным другом у странного сооружения под условным названием «веранда». Потрёпанная и изначально ненадёжная кирпичная стена, от которой в две стороны расходится покатая крыша, под ней – деревянный настил, который вышеуказанная стена делит на две секции. Таких веранд на территории три, четыре или больше. Предполагается, что сонмы товарищей по несчастью будут заполнять эти веранды, если во время прогулки пойдёт дождь. Но нас не сонмы, а во время дождя гулять нас не выводят. Если же он пойдёт, мы должны построиться по парам и последовать за воспитаткой в опочивальню.

Мы со случайным другом отбились от общих игр. У нас в руках нет загадочных «соток», и играть в догонялки мы тоже не любим. Он – явно глупый (обидное слово) и неповоротливый, я – скорее просто необщительный. Недавно де-

вочки обнаружили большое родимое пятно у меня на шее и целой толпой оттащили меня к начальству – у меня, наверно, какая-то редкая болезнь – начальство сказал, что всё со мной нормально, но неприятного впечатления после этой ситуации уже не отменить. Я держусь в стороне от толпы и предпочитаю копать в глинозёме вместе со случайным другом Мишей.

Миша похож на игрушечного медведя или медведя из иллюстраций в книжках. Настоящего в зоопарке мы тогда так и не дождались – он прятался в берлоге. Ну и хорошо, раз похож на своё имя. Миша неожиданно ловко подцепляет где-то в траве червяка, кидает его на светлое место изучаемой нами бежевой почвы. Он аккуратно заносит над червём свою рабочую ветку и делит живое существо на две части. Расчлененный червь корчится в предсмертных муках, я смотрю на товарища с недоумением. Миша триумфально поднимает вверх веточку и кричит: «Два червяка!». Если быть точным, «р» он не выговорил, мы оба ещё этому толком не научились, но мне это уже режет ухо.

Умирать-то, говорю, как страшно, к слову сказать! Слезы, моря, чайные ложки, а потом – тссс! – тишина и больше ничего. Слышал про такое, Миш? Однажды была у нас в квартире, как говорили, утечка газа – и кто-то из родных спичкой чиркнул, его и опалило. Криков-то было, ты бы видел, скорая приезжала, я только разглядеть не успел, кого она забрала, всё носился беспорядочно по квартире и мешался под нога-

ми в коридоре, на меня прикрикивали и чуть не наступали. Ну ничего, вроде все живы остались, а то как подумаю, жутко становится – все бы, вшестером в трёхкомнатной квартире, все бы на воздух взлетели, если бы чуть больше газу утекло – ты себе представляешь? И сестра, и родители, и бабушка-бабушка – все чуть не умерли! Я сам чуть не умер!

Миша лупит глаза и неуверенно вопрошает: «И... ты не умер?» и внимательно ко мне присматривается. Я сам не свой от непонимания: кажется, этот медведеподобный человек ещё не знает, что такое смерть. Конечно же не умер, ты не видишь что ли? Миша жмёт плечами или что-то в этом роде.

Вот в чём дело, вот почему все такие весёлые, а я такой угрюмый: они ещё *не знают*. А может и вообще не узнают, проживут себе всю жизнь радостными и *глупенькими* (по возможности смягчим слово, хотя всё равно довольно грубо, однажды я маме сказал: «Ты что, глупенькая?» – и она очень расстроилась). А я знаю, я знаю, что такое смерть! Вот так удача!

Я начал бегать вокруг веранды, размахивая руками вокруг головы и крича несуразицу. Не знаю, зачем. Прибежал кто-то ещё из товарищей по несчастью: они крутили пальцами у виска, а я подбегал к ним и кричал: «Я знаю! Я знаю!» и продолжал бег. Когда подошла какая-то из злых тёток, я с разбегу наскочил на ствол дерева и с небывалой ловкостью взобрался на какую-то ветку, до которой никто не мог дотя-

нуться.

Я знаю! Я знаю! На весь мир я смотрел сверху вниз, впервые в жизни осозная свою значимость, обособленность, мощь. Казалось, на меня смотрят не только человек тридцать товарищей и несколько слишком добрых женщин, но и соседствующие «веранды», деревья, кусты и клетчатые девятиэтажные дома.

Озадаченные, работницы детского сада (все как одна, с ярко накрашенными губами и голубыми глазами) находили себя слишком солидными, чтобы карабкаться на дерево. Пришлось вызывать электрика из близлежащего ЖЭКа, который поставил под моей веткой стремянку и спустил меня с небес на землю. Но сколько бы они не отпаивали меня чаем и не измеряли температуру, им было не понять моего чудного открытия, о котором я не мог объяснить.

Сумерки, заснеженный склон горы. Уставший лыжник стоит и любуется на пейзаж, отпивая из термоса. Звучит крайне умиротворяющая музыка, и турист то ли видит на самом деле, то ли ему мерещится – зеленоватая в ярко-жёлтый фрактал бабочка парит среди ветвей близлежащей ели, увешанной, кстати, ещё и рождественскими украшениями. Вдали виднеются огни деревенских домиков и шикарной гостиницы.

Вдруг турист оборачивается, услышав подозрительный шум. Приняв приближающуюся фигуру за своего знакомого,

он радостно окликает его, но когда ему удаётся разглядеть, кто перед ним, он оборачивается и пускается в бегство.

Наутро – яркий солнечный свет – холодный труп лыжника обнаруживают в какой-то паре сотен метров от гостиницы, где царило праздничное веселье. Мертвеца обнаруживает одна из постоялиц отеля – широко известная в узких кругах певица кабаре, по совместительству пышная блондинка и хрупкая любительница приключений. Несмотря на свой бойкий характер, молодая дама кричит и закрывает лицо руками. Лыжник изуродован до неузнаваемости. Другой турист – статный и статусный красавец в меховой шапке – определяет на глаз, что убитого изошрённо истыкали лыжной палкой, причём понадобилась для этого нечеловеческая сила. Кроме того, в определённых местах туристу нанесены рваные раны другим острым предметом, который без надлежащей экспертизы установить невозможно. У собравшихся туристов сильно испорчено настроение и аппетит.

В гостинице глинтвейн течёт рекой, люди играют в азартные игры за бархатными столами, дамы кутаются в лисьи меха. За одним из столов собралась интеллигентная компания: та певица, тот статный господин, старенький доктор с трубкой, а также скептически настроенный ко всему аристократ, которого все называют просто бароном. Они ведут возвышенные беседы, пытаясь отвлечься от неприятной утренней находки, восхищаются игрой местного пианиста, etc. Между статным господином и певицей возникает заметная взаим-

ная симпатия, однако её же берётся окручивать барон: водит её восхищаться пейзажем в зимний сад, рассказывает какую-то дребедень о ходе звёзд и древнеегипетской астрологии.

Их милую беседу прерывает пренеприятнейшее известие: из города сообщают, что экипаж с родственниками погибшего, а также врачами, следователями и прочими необходимыми в таких ситуациях людьми и предметами – попал в снежную бурю и был вынужден вернуться. Телеграфировали и из соседней деревни: единственную дорогу в большой мир завалило лавиной, и расчистка пути займёт добрую неделю.

Статный господин берёт на себя функции детектива: он говорит о том, что у него имеется соответствующий опыт, но раскрывать подробностей не спешит, да и вообще довольно скрытен, что естественным образом вызывает у окружающих некоторые подозрения в тёмном прошлом. Особенно на этот вариант напирает уязвлённый барон, который не мог не заметить, что симпатии певицы склоняются в сторону сыщика.

На следующий день неподалёку от отеля обнаруживают новую жертву – это тот самый прекрасный пианист. Он убит аналогичным образом – лыжная палка. При помощи следов от собственно лыж найти убийцу невозможно: они прерываются на одном из обрывов: будто бы убийца сорвался со скалы вниз. Однакож внизу не наблюдается никакого трупа зло-

дея, только опалённые ветви елей, по чьим стволам неуклонно выстукивают свои ускоренные марши зимние дятлы.

Противоречивые улики, обнаруживаемые статным господином и всюду следующей за ним певицею, указывают на то, что убийца, скорее всего, живёт не в гостинице, а где-то в другом месте: в деревне или вообще прячется в горах. Люди потихоньку начинают паниковать: не выходят из здания гостиницы, запираются в своих номерах и выпивают. Вечером в общем зале барон рассказывает местную легенду о страшном чудище, которое приходит раз в сто лет и забирает по четыре крепких мужчины из тех, кого оно встречает в горах. Тут гонец приносит новую тревожную весть: кто-то обрушил телеграфные столбы, и восстановление коммуникации потребует добрый месяц.

В отсутствие пианиста певица вынуждена восполнять образовавшуюся дыру в музыкальной программе – и справляется с этим с блеском, вызвав сентиментальные слёзы на глазах товарищей по несчастью. После выступления уже сыщик выводит её в зимний сад, где без лишнего трёпа овладевает ею под почти уже полной луной.

Свидетелем этому становится несчастный барон. Опрокинув пару лишних стаканов, он выходит на улицу и кричит: ну, лютый зверь, кто на меня? Поговорим с глазу на глаз! Он карабкается на гору по глубокому снегу и кричит всё громче, чудом не сбивая новую лавину.

И является зверь: огромная фигура в тёмно-оранжевом

костюме на лыжах. У него гордая орлиная голова, а лыжные палки он держит в огромных когтистых лапах с перепонками. Барон смело шагает ему навстречу, просит поведать ему свой секрет, но птицеголовый безжалостен: он наносит ему ряд разящих ударов лыжной палкой. Потом, уже почти бездыханного он клюёт в несколько сакральных точек – барон кончается.

Лёгкой и быстрой поступью птицеголовый восходит на один из склонов, а потом резко съезжает по запретному пути мимо соответствующей таблички. Он соскакивает с обрыва и, не долетев до земли, сгорает, чтобы материализоваться снова в следующий вечер – и довести своё священное дело до конца, когда взойдёт полная луна.

Глядя на иллюстрацию в учебнике, 11-летний я вспомнил, как в раннем детстве наелся каких-то таблеток из шкафа, и мне было так плохо, что я был уверен – умру. В учебнике был изображён птицеголовый Ра – в таком виде предстал передо мной завораживающий ужас, когда из меня всё уже вытошнило, и я ворочаясь, засыпал в полубредовом состоянии. В этом видении – не стану называть это сном, потому что ничего настолько подробного и символичного мне потом не снилось – я был скорее не сыщиком, которому, как логично вытекает из сюжета, предстояло на следующий день побороть демона, а бароном, который шёл к ужасу с открытым забралом и, вопреки всесильной лыжной палке, оставался мо-

ральным победителем.

Лыжная палка была и в руке Ра на иллюстрации – правда, почему-то одна, да и лыж никаких не наблюдалось. Но сами законы древнеегипетского изобразительного искусства показывали богов и людей так, что они никогда не отрывали ног от поверхности: то есть, явно не могли передвигаться иначе как скользя, как на лыжах. Ну а то, что они не знали снега – так это их, египтян, проблема.

Отложив учебник, я встал с дивана и подошёл к распахнутому окну. Был жаркий сентябрь, но мне совсем не хотелось идти гулять, хотя меня кто-то и звал. Внизу копошились какие-то люди: двое пьяниц на скамейке, городская сумасшедшая, качающаяся на качелях и говорящая сама с собой, играющие в футбол парни *постарше*, среднеазиаты, устанавливающие новую ограду, девочки, прыгающие по меловой разметке на асфальте. Меня охватило уныние: зачем мне это всё? Зачем я им всем? Трудно представить, что меня кто-то когда-нибудь полюбит. И совсем уж невозможно, чтобы меня полюбил этот мир.

Как это просто – перекинуть ногу через подоконник, потом вторую, посидеть немного на парапете, а затем легко соскользнуть вниз, как в бассейн, попробовав воду. Просто соскользнуть, ни о чём не думая, не пронося перед глазами своей жизни – упасть на зелёную траву с какими-то ещё остатками цветов, расколошматиться до неузнаваемости, глухо смяться в угловатую лепёшку.

Нет, подумал я. Своей собственной волей это сделать — это *слишком* просто. Оно должно случиться как-то само, как предначертано, и это уже где-то начертано. А пока моё дело — искать эту возможность, поднять забрало и улыбаться ей в лицо.

Нужно было делать математику, но она никак не делалась. Прямо в тетрадке я вдруг начал писать карандашом: *«Удивительным образом пересекается египетская мифология с поверьем одного из горных селений в Альпах. Местные жители с незапамятных времён верят в мистического горного монстра с головой орла, передвигающегося на лыжах и являющегося раз в сто лет в канун Рождества, чтобы забрать души троих сильных мужчин и три раза совершить ритуальное самоубийство в форме прыжка со скалы и сгорания в воздухе. По легенде, этот монстр — бывший человек, искупавший таким нетривиальным образом грех самоубийства, совершённого им из гордыни в расцвете жизненной силы. Однако согласно расхожей гипотезе, такое толкование навязано христианскими проповедниками, которые не могли извести диковатые легенды местных жителей. Учёные считают, что орлоголовый монстр — некое воплощение божества, собственноручно забирающее самых сильных с тех самых пор, когда люди обленились и перестали приносить ему жертвы. Как утверждают местные жители, единственный способ избежать смерти от наметившего жертву зверя — убедить его в том, что человек сам наложил на себя ру-*

ки в его честь. Что самое интересное, существование этого монстра имеет некоторые доказательства. В 1938 году...»

Я вырослел. У меня были ключи от чердака, и я часто ходил туда: наблюдал за голубями и воронами, сам вместе с ними сидел на краю – а чего мне было бояться? Птицы спали, и я сам не отказывал себе в удовольствии вздремнуть.

Мне нравилось это общество, но всё-таки я находил птичий быт довольно печальным: каждое утро они просыпались – и без всяких размышлений принимались за единственное возможное занятие, поиск еды. Было их жалко: никакой возможности выбора, никакой интриги, никакого досуга, в конце концов.

Я, хоть и держался по большей части одиночкой, жил, как мне казалось, весело и разнообразно. Заложенный с детства интерес к смерти стал приносить свои плоды – как минимум, я её не боялся. Я громко включал музыку в наушниках и гонял на велосипеде, нарочно не обращая внимания на автомобили, дорожные знаки и светофоры. Однажды меня даже сбила машина, но дело было на узкой дворовой улочке, скорости были никакие, и я ограничился досадными ушибами. Водитель попытался задобрить меня, всучить мне деньги и увезти в травмпункт, но я спокойно поправил цепь и поехал дальше – что ещё этот человек мог сделать для меня лучшее, чем сбить?

Ночью я ходил по тем районам города, что считались

опасными, вёл себя вызывающе, переходил дорогу на красный. Опробовал все виды экстремального спорта, впечатлял окружающих рискованными кульбитами и прогулками по самому краю. Время от времени оказываясь на пьянках, я по примеру киногогеря утверждал, что водка меня «не берёт» и требовал налить чего-нибудь парфюмерного.

Наблюдая за людьми, я потихоньку выяснил, что их устремления не так уж далеко ушли от птичьих. Просыпаясь утром, они без всяких раздумий двигались на многочасовые поиски еды, а освободившись от этой необходимости, просто бездумно растрачивали излишки. Люди стали производить на меня впечатление сытых и скучных животных, которые благодаря некоторым физическим особенностям размножились так, что им больше не грозила никакая угроза исчезновения.

Я собрался было идти в орнитологи, но подкачала химия, и в последний момент руки опустились. Наплевав на родительские горькие подвывания, я отправился в армию. Коль скоро все основные способы умереть перепробованы, стоит обратиться к самому мужественному, подкреплённому богатой традицией.

Однако никаких военных действий поблизости не шло, а несчастные случаи происходили какие-то мелкие да били мимо цели. Банду кавказцев, которая собралась меня бить за оскорбительное замечание, остановили офицеры. Склад неподалёку от моей казармы загорелся ночью, и я даже

не узнал об этом, пока не загудела сирена пожарной машины.

Год в армии помог мне осознать важную вещь: моё прежнее суждение было неверным – люди не так же нелепы, как птицы, а ещё больше. Каждый день много часов уходило на действия, которые никому никакой еды не приносили. Нужно было бегать, прыгать, ползти, стоять, таскать одни и те же предметы из одного места в другое и обратно, обмениваться символическими репликами и жестами, не несущими и оттенка осмысленности. Один из немногих разов, когда мне-солдату удалось подняться на уровень чуть выше – а именно, на тот самый птичий уровень добычи еды – это когда мы с сослуживцем копали червей для рыбалки. Рыбачить любил какой-то высокий генеральский начальник, и руководство нашей части решило сделать ему приятное – позволить ему поймать несколько рыбин в близлежащей реке.

Стояла тягостная скучная жара, мы с парнишкой, которого прислали значительно позже, чем меня, возились в грязи и доставали оттуда червяков. Чтобы развлечься, я обратился к товарищу:

– Знаешь, кто мы?

– Кто?

– Мы птицы.

– Почему? – он удивлённо посмотрел на меня.

– В данный момент мы добываем еду для наших детей.

В разжёванном виде её доставят им. Наше отличие от птиц лишь в том, что доставит им еду кто-то другой. А так бы мы

доставляли. Я предполагаю, это потому что мы обеспечиваем своих детей, а они – своих. То есть мы – старшее поколение птиц.

– Что ты несёшь, какие нахер птицы? – парень был возмущён.

– Вот такие. Товарищ генерал – наш главный птенец и он же – наше божество. Добывая этих червей, мы кладем их в ведро, которое является как бы сосудом для нашего жертвоприношения – символического кормления Птенца. На таких кормлениях и функционирует любое начальство.

– А-а-а, понял, – сказал парень. – Ну и шутки у тебя.

Принеся жертву генералу, я вернулся домой, где выяснилось, что моя мама совсем тяжело больна. Степень тяжести я понял, когда осенним утром в нашу квартиру вломился отец, не приезжавший уже несколько лет. Мама была в больнице, поэтому дверь открыл я, сонный и несколько потерянный. Отец привёз какую-то еду, кормил меня, расспрашивал об армии, но в нём чувствовалась определённая тревога – возможно, в тяжёлой ситуации он понял, что по-настоящему любил свою бывшую жену? Не знаю. Он был с нами обоими очень заботлив и обходителен, но когда мама умерла, он как-то быстро похолодел, перестал со мной разговаривать, а сразу же в день похорон уехал. После этого я его не видел.

Я распродал все мамины вещи и всякую ненужную мебель – вышло, что я один в неплохой трёхкомнатной квартире, и у меня масса денег, так что больше не придётся думать

ни о каком поиске червей.

Я закупился книгами о древних культурах, учебниками, научными журналами и сборниками мифов. Я закопался в это. Дни и ночи напролёт я читал, анализировал, перечитывал, делал пометки, выписывал, что-то для себя формулировал.

День за днём на древних страницах я видел одно: культ, культ, культ. В этом слове для них была бесконечная, самодостаточная осмысленность. Прочие нужды только служат культу. Всё служит культу. Служит красиво и причудливо, без той пуританской строгости или варварской воинственности, которых полны нынешние земные религии.

А всё лишь потому, что эти культы не были связаны с постижением земных добродетелей – будь то джихад или милосердие. Они были устремлены к одному: к проникновению в загадку смерти. На вопрос, который человек рано или поздно всё равно себе задаёт – «Зачем я рождён?» – культ отвечал ему с первых дней жизни: чтобы умереть. И вопрос не в том, когда и почему это случится, а в том, что произойдёт потом. И посему вовсе не важно, будешь ты сыт или голоден, милосерден или жесток, красив или ужасен – важно, чтобы твоя гробница была правильно обставлена, а под языком лежала монета, необходимая для переправы через вечную реку.

Нейтральное, ничего не значащее лицо, короткая причёс-

ка с выбритым затылком и косыми висками. Серое пальто, какой-то платочек в цветочек. Ей уже, пожалуй, прилично за тридцать, но держится бодро, хранит шарм и необходимую для привлечения внимания таинственность.

Она ехала напротив меня по кольцевой линии, потом пересела на какую-то из радиальных, и я – за ней. Не думаю, что я смог бы с ней познакомиться, но наблюдать за ней было интересно – мелкие движения лица, какой-то внутренний монолог, походка. Влечение говорило во мне холодно и сдержанно, я и не собирался никаких поползновений предпринимать, просто – пройти, проследить, узнать какую-нибудь мелочь. Знакомство с женщиной вело бы к неминуемому разочарованию, проникнуть к кому-то в душу так или иначе означает заглянуть в зеркало своей же бессмысленности. А так – интересно пронаблюдать за человеком как за *телом*, просто движущимся и не утерявшим своего сакрального смысла.

Работает, наверняка, в конторе. На часах – пол одиннадцатого, значит на работу она приходит, когда ей вздумается, но всё-таки работает кропотливо, раз не заявляется туда после полудня. Следовательно, она не рядовой работник, не цеховик, а приставленный к какой-либо организации специалист – ну, юрист или бухгалтер.

Она явно не замужем, да и любовников имела мало – желающих много, но она знает себе цену. С неприглядной реальностью смирилась, но не ищет ни в чём высокого смысла,

сделав ставку на простые удовольствия. Что ж, выбор хоть и тривиальный, но по-своему справедливый. Во всяком случае, позволяющий ей сохранять как человеческое лицо, так и в целом опрятный вид.

Мы поравнялись на пешеходном переходе. Вокруг высились заводские трубы, под ногами текла какая-то слизь. Я заглянул ей в лицо: на нём была написана едва заметная тревога. Не по поводу чего-то конкретного, а насчёт бытия в целом. Она беспокоилась за всех людей как мать за детей, которых у неё, впрочем, и нету у самой. Однако по ней явно чувствовалось, что за какие-то души она ответственна, не знаю, почему.

Зажёгся зелёный цвет, и эта птичка выпорхнула на проезжую часть. Я остановился, глядя ей вслед, чтобы потом случайно не обогнать её. Неторопливо двинулся вперёд через несколько секунд.

Из-за угла вылетел автомобиль – пузатый крупнокалиберный джип – и, визжа тормозами, наехал на женщину. Я оторопело попятился. Из кузова вылез толстый мужчина с короткими волосами, который, матерясь, стал осматривать помятый бампер, из-под которого торчало смятое тело. На дороге рядом лежал платочек в цветочек.

Никаких сомнений, она мертва. Я склонился над трупом и сунул ей в рот монету – на всякий случай, – а потом бросился бежать. Ещё давать свидетельские показания... – что может быть хуже?

Весь день я бродил по городу, следя за птицами и людьми. В конце концов я вернулся в свой район, но домой идти не хотелось. Я улёгся на холодную землю у какого-то куста, думал: так умру, чёрт с ним с героизмом. Ещё не вполне потеплело после зимы, и к утру я наверняка окоченею.

Ко мне подходили какие-то люди и пытались меня поднять, но я старался не реагировать. Кто-то даже просидел со мной долгое время, что-то рассказывая и объясняя, но я не слушал, а всё думал и думал, перебирая факты и воспоминания. В конце концов я задремал.

Фуникулёр поднимает сыщика на пустынную площадку между двумя отвесными спусками. Горы, ёлки, снег. Будто бы прогуливаясь, он некоторое время описывает круги вокруг станции фуникулёра. Для пущей красоты и беззаботности он насвистывает незамысловатую мелодийку, но внутри он напряжён как струна, холоден и расчётлив.

И вот, рассекая склон, нисходит птицеголовый. Он деловито подъезжает к сыщику, тот разворачивается к нему лицом и изрекает:

– Постой. Я могу сам. Я думаю, тебя это спасёт.

Зверь стоит, оторопелый и подозрительный. Уткнув лыжные палки в наст, сыщик ловко достаёт кинжал из сапога и показывает птицеголовому.

– Вот, смотри. Настоящее лезвие, никакого обмана.

Чтобы показать, что нож по-настоящему остр, сыщик лёг-

ким движением взрезает себе палец, на снег капает кровинка. Птицеголовый почтительно кланяется, поверив в эту милость.

Сыщик уверенно бьёт себя ножом в грудь – туда, где сердце. Жадно захватывая воздух ртом, он валится на снег, из-под него течёт бурая жижа. Из последних сил он колет себя в сакральные точки, обязательные для этого жертвоприношения. Зверь смотрит на это, но дотронуться до человека не имеет права, иначе он становится жертвой, и его самоубийство бессмысленно. Если предполагаемая жертва зверя убивает себя сама, то следующее сгорание птицеголового становится последним – и он освобождается от своего многолетнего труда.

Но надо спешить: и, не проверяя, мертв ли человек, зверь стремится на ту точку, с которой он триумфально съедет вниз. Высота взята – и вот он уже берёт старт, не отрывая взгляда от сыщика, истекшего кровью. Зверь на лыжах несётся вниз и вдруг видит, что жертва приподняла голову, а из здания станции выбежала какая-то женщина. Зверь пытается затормозить, но ему вослед уже пущена лёгкая лавина, и он продолжает движение вместе с идущим под ногами оползнем.

Р-р-раз! – и птицеголовый срывается с обрыва, несётся вниз, колошматится о камни – и только там вспыхивает, биясь в жутких муках. Очевидно, скажет потом старый врач – а по совместительству специалист по мифологии – инцидент

будет трактован как попытка обмана в сговоре с человеком, и напортачивший Ра будет направлен на новую многовековую пытку, ещё более изощрённую, чем горные жертвоприношения.

Огромный червь ползёт по рельсам, закапываясь глубже и глубже в Нечерноземье. Внутри червя – своя жизнь, своё микро– и макро-, свои социальные слои, распределённые по годовым кольцам, свой спрос и предложение: маркитантки ходят туда-сюда по пищевому тракту, торгуя преимущественно хлебом и зрелищами.

Я останавливаюсь посреди дороги и давлю червя, аккуратно, носком ботинка, на две половины: ползите теперь в противоположных направлениях: «На Москву» и «От Москвы». Тяжело, конечно, второму, без какой-то конкретной координаты, но это каждому суждено либо всегда идти к заветной цели, либо куда угодно – но только от неё.

Отпочковав зёрна от плевел, иду дальше. Мой путь обрамляет галерея деревьев, которые вот-вот оперятся, из каждого заветного дупла торчит по богу-птице. Дятлы трудятся, опять же. На одноэтажных домиках с чердаками – нарядные раскрашенные наличники, вот только окна заколочены. Не разворовали чтоб добро, которое и так никому не нужно. Я так погляжу, неостребованное добро злом и зовётся.

Голова – нет, а вот ноги помнят дорогу. Добрался до родного дома, отогнул пару серых досок от покосившегося за-

бора. Подобрал оттаявшее яблоко, метнул в сторону прицепа – не попал.

Пролезаю в дом через разбитое окно в чулане. По крысиному дерьму и занесённому в кладовку снегу прохожу дальше – открываю, а потом наглухо закрываю дверь в гостиную. Тут мрачно и тихо, на полу – следы разведённого костра – кто-то за долгое отсутствие находил здесь приют, но сейчас и этого некому сделать.

Тщательно проверяю, закрыты ли все окна и двери, чтобы воздух не просачивался на улицу. Вроде закрыты. Пихаю в печь всё, что более-менее сухо: старые книги (бросился в глаза цитатник Мао), журналы («Наука и жизнь»), какие-то тетради и папки с документами. Чиркаю спичкой несколько раз.

К тебе взываю, Бог-Птица, к тебе взываю я, недостойный червь. Недостойный, но стремящийся стать достойным путём принесения себя в жертву. Приношу себя в жертву, услышь меня! Хороню себя под гнётом твоей благодатной чайной ложки. Момент – и в море!

С непреложным ощущением красоты и важности момента я смотрю на огонь, подхожу к трубе и задвигаю затворку.

VII

ПРОСТО РАЗМЕСТИЛ ОБЪЯВУ

Страна Балагурия, город Тяпляпград (который модернизаторы алчут переименовать в Бардак-сити, а консерваторы – в Срамобад), дата текущая (она же плавающая). Имею сообщить, что на прошлой неделе я купил фотоаппарат марки Avvakum, который мне по ошибке доставили в двух экземплярах. Второй, мне, разумеется, не нужен.

Я бы мог его продать, но так как я с презрением отношусь к современной кредитно-денежной системе и вообще не люблю наш помешанный на деньгах мир, я отдам камеру случайному человеку, сделавшему репост этого сообщения.

Я с презрением отношусь к современной кредитно-денежной системе и вообще не люблю наш помешанный на деньгах мир. Я с презрением отношусь к современной кредитно-денежной системе и вообще не люблю наш помешанный на деньгах мир. Я с презрением отношусь к современной кредитно-денежной системе и вообще не люблю наш помешанный на деньгах мир. Я с презрением отношусь к современной кредитно-денежной системе и вообще не люблю наш помешанный на деньгах мир.

Поэтому первому дозвонившемуся мы совершенно бесплатно доставим двенадцать эксклюзивных ножей в спину революции. Если вы перепостите это сообщение прямо сейчас, то мы выдадим вам годовой абонемент на посещение

похорон на любом удобном вам кладбище. Сотрите защитный слой и выиграйте восхитительную поездку туда, где раки зимуют.

Мы с презрением относимся к современной кредитно-денежной системе. Мы проводим благотворительный аукцион: тот, кто заплатит больше всех, получит уникальную возможность благотворительно сжечь свои деньги на глазах у толпы. Аукцион пройдёт по адресу: улица Святого Бизнеса, дом 22. Дай миллион, дай миллион, дай миллион!

Люди добрые, помогите кто чем сможет. Нам не хватает денег на оплату счёта за электроэнергию, потраченную на мероприятие в защиту отказа от электроэнергии. Нам не хватает денег на взятку за то, чтобы наш сын устроился на работу и мог брать взятки сам, чтобы иметь возможность сам их и раздавать. Мы всё вернём, право слово!

Люди добрые, я остался совсем один! Подайте на спички. Я их продам по одной и куплю на вырученные деньги несколько пачек сигарет и буду продавать их по одной. Потом я накоплю денег и буду ездить челноком в Киргизию, покупать там сигареты, привозить их в Москву, продавать их по местным ценам и постепенно богатеть. Ну а уж когда разбогатею, я наконец-то смогу заняться тем, о чём всегда мечтал – торговлей оружием. Подайте на спички!

Не любим мы наш помешанный на деньгах мир! Ох как не любим! А ну-ка выворачивайте кошельки, господа пассажиры! Это всё в рамках терапии против помешательства

на деньгах. Что, не слышали? А мы вас научим. Почему мы вас должны учить? Видите ли, это вы здесь пассажиры, а мы здесь и кассиры, и контролёры, и машинисты в одном лице. Привыкайте.

Деньги вызывают привыкание, ежели вы не знали. Время – деньги. Деньги – время на ветер. Ветер – деньги на время. Е равно эм це. Такая нехитрая математика и такая диалектика души.

Как стать самым успешным человеком на планете? Читайте об этом в книге «Как стать самым успешным человеком на планете?» от обладателя премии «Самый успешный человек на планете – 2011».

С презрением надо относиться к современной кредитно-денежной системе, а как ещё. Неужели вы любите этот помешанный на деньгах мир? Никто не любит. Все презирают. Всем бы только денег побольше, а нет бы глаза открыть да на мир посмотреть. Помешанный на деньгах.

Как стать самым успешным? Как протоптать дорогу к Богу? Как сделать так, чтобы о тебе заговорили? Как выполнить бизнес-план? Как пополнить баланс? Как пережить кризис? Как сделать счастливой свою семью? Как спасти мир?

Да как-как, очень просто: подайте на спички, люди добрые!

Страна Балагурия, город Тяпляпград, дата текущая, подпись.

VIII

НЕ БРАТЬ ТРУБКУ 34

Потому что она была девица

Тэффи

Колоссальная мозаика на корпусе медицинского института: две ладони, а в них сердце человечье. Зима, утро, пустая узкая улица. На противоположной от медицинского стороне высится сталагмитами элитное жильё. Каждый из этих домов раз за разом скрывается за прозрачной белой занавеской: обходит свои владения снежная буря.

И стоит у дороги столб – как обычно по утрам, он ещё не издаёт ни ржавого звука от ветра, ни электрического гула от работы фонаря, хотя фонарь светит своим почти уже не нужным оранжевым светом. Подходит к столбу красна девица – в кожах и мехах, сама румяная, – уверенно берётся она за столб, и, опираясь на него, переступает через сугроб и выходит на дорогу. Не дожидаясь, пока девушка поднимет правую руку, зажигает фары припаркованный автомобиль и подъезжает к ней.

С самого начала вечера всё пошло как-то не так. Мужчина был застенчивый, а когда вдруг распалялся и начинал что-то активно рассказывать – ...словом, иногда лучше жевать.

Тина отводила глаза, вертела в руках телефон и пряталась за бокал с вином.

– Так трудно кого-то найти. Когда я был в твоём возрасте, я думал: вот будет мне тридцать пять – тогда найду себе кучу друзей, буду постоянно, как это сказать, под софитами, всё время вечеринки какие-то, праздники... А пока, думал, поработаю как следует, чтобы ни в чём себе не отказывать. Не отказывать-то не отказываю, но друзей у меня почти нет, да и вообще холостяцкая жизнь – не подарок.

Тине отчаянно захотелось курить. Только так она могла скрасить нервную скуку, в которой она пребывала. Обидно, если сейчас сорвётся: только бросила ведь! Они сидели в уединённом уголке ресторана, в торжественном полумраке – попросить сигарету поблизости было не у кого.

– Извини, что перебиваю, а ты не куришь?

– Нет, я бросил, – мужчина мягко улыбнулся, обаятельный всё-таки, – У меня в последнее время здоровый образ жизни. Кто-то скажет – смешно, но со временем волей-неволей задумаешься. Одноклассника тут встретил – ну старик стариком! Пузо вот такое, одет чёрт знает как, проплешины эти... Ну, положим, волосы мне от отца хорошие достались, а вот над остальным надо работать, много работать.

– Понимаю, – ответила Тина, – мне надо работать над тем же самым.

– Ха-ха, похвально! Но я должен заметить, тебе от мамы всё досталось по высшему уровню. Я не знаю, что тут улуч-

шать.

Ну и комплименты. Через пару минут Тина отлучилась, захватив косметичку. Для проформы посмотрелась в зеркало: всё ли на месте. Стрельнула пару сигарет у бармена – в глазах у темноволосого смуглого юноши было лёгкое презрение, – и вернулась за стол. Принесли какие-то красиво оформленные блюда.

– В девяносто седьмом, когда я только начинал... Мне один знакомый посоветовал это место... Я один раз чуть было не женился, да что-то как-то... Но что на зеркало пенять, коли рожа крива... Слушай, а что я всё время разговариваю? Действительно.

– Мне бы хотелось про тебя хоть что-то узнать. Я понимаю, в женщине должна быть загадка, и не одна, но не всей же ей быть целиком загадкой.

– А что – я? Мне двадцать, у меня всё впереди, я получаю удовольствие от жизни. Что-то ещё нужно знать? Остальное-то неважно.

– Чем ты занимаешься, помимо учёбы?

– Ты не поверишь, но у меня миллион дел каждый день. Всё по минутам расписано.

Принялся вытягивать у неё за фразой фразу про её несчастную жизнь. Кто родители, как провела детство, почему решила поступать именно туда... Нет, только бы не добрался до любимого вопроса. Если ты его задашь, у тебя не будет шансов.

It's a beautiful life, o-o-o-oh

It's a beautiful life

Спасибо тебе, незнакомый номер, что спасаешь меня от этого дубового общения.

– Алло.

– Здравствуй, милая.

Неясно, что за голос. Антон? Очень странно, вроде не похож. Кто ещё может так называть?

– Здравствуй. Я сейчас немного занята, быстро говори, что тебе нужно.

– В сущности ничего, просто поговорить. Что на тебе сейчас надето?

– Ты охренел такие вопросы задавать? – сказала Тина не со злобой, а с удивлением.

– Меня интересует вся твоя одежда и то, что под ней. И я скоро всё об этом узнаю. Важно то, поможешь ты мне в этом или нет, – тихий, поскрипывающий голос.

– Придурок, – рывкнула Тина в трубку и сбросила звонок.

– У тебя какие-то проблемы? – спросил мужчина, с которым она сидела за столом.

– Нет-нет, не обращай внимания. Старые связи покоя не дают.

– Ну хорошо. Слушай, а можно нескромный вопрос?

– Ты, вроде, уже знаешь, сколько мне лет. Или забыл?

– Нет, я такое не забываю, – снова хорошо улыбнулся, но тут же задал самый проигрышный из возможных вопросов, тот самый – Тина – это настоящее имя? По паспорту?

Зажгла сигарету. Тарелки пусты.

– По паспорту Кристина. Но мне не нравится это имя, оно у меня с крестами ассоциируется.

– С тюрьмой?

– С какой тюрьмой?

– Ну, «Кресты», – усмехнулся, – тюрьма такая в Питере.

– Да не-е-ет! С крестами, как на кладбище, или как на церкви. Я своим родителям всё время говорю: ну что за глупость, я у них родилась, а они меня сразу на кладбище отправляют, или в монастырь. Что ещё хуже.

– А по-моему, красивое имя. Кристина, – протянул он мечтательно, – светлое такое... Слушай, а для меня сигареты не найдётся?

Надо отдать ему должное: за исключением, собственно, общения, он вёл себя предельно галантно. Подавал пальто и всё такое. И улыбался своей чудесной улыбкой. Машина у него хорошая, какой-то очень приличный седан. Внутри просторно, как в гостиной. Салон кожаный, опять же.

Выехали на Садовое, потом он вдруг свернул на какую-то узкую улицу. Остановился на обочине. Отстегнул ремень безопасности, склонился к Тине.

– Слушай, я ведь просто так тебя бы никуда не пригласил.

В смысле, я, как только увидел твои фотографии, сразу всё понял. Понравилась ты мне очень. Я не хотел бы расшаркиваться, тратить время... В общем, у меня на твой счёт очень серьёзные намерения.

Тина слушала тихо, замерев, как рептилия.

– Готова ли ты, так сказать, разделить эти намерения в данный момент? – от нервов он говорил с лёгким канцеляритом.

Автомобиль стоял на краю дороги, полыхая среди зимнего вечера ритмичными аварийными огнями. Тина положила холодную ладонь ему на шею – он понял знак и продолжительно поцеловал её. Выдался хороший, страстный поцелуй – она с удовольствием отметила медленные, тщательные движения его языка и губ. Где-то читала, что это говорит об обстоятельности, глубокомысленности человека. Это хорошо.

В ресторане сидела будто с кем-то другим, со школьником, что ли. А тут – он действовал спокойно и внимательно. Пока он целовал её шею, рука спокойно проскользнула в декольте и сжала её левую грудь.

Она представила, как они окажутся вместе, как он окажется в ней, а на самом деле она – вокруг него. Что-то выдавало в нём выдающегося любовника. Сознание её постепенно затухало в торжественной неге.

Он повлёк её руку куда-то к себе – води, води меня за собой, я готова на всё, лишь бы ты не разговаривал, а просто

был со мной, слышишь, рыцарь дорог? Он оставил её ладонь на широком своём ремне, и тут она услышала – услышала то, чего совсем не ожидала в этой идиллической ситуации. Услышала, что он расстегнул молнию на брюках.

Козёл! Захотел развести прямо так, после одного ужина! Тина резко оттолкнула его и попыталась выскочить из машины – но, как оказалось, была пристёгнута ремнём безопасности. Мужчина начал что-то лепетать, приговаривать: ты не так поняла, я ничего такого... Тина завозила с ремнём безопасности, начала материться. Он помог ей отстегнуть ремень и всё повторял: подожди, подожди. Ждать не стала, выбежала в каблуках на мороз и побежала обратно на Садовое.

Села в первый остановившийся «Жигуль». В машине нещадно жарила печка, но по ногам всё равно дуло. И погода эта отвратительная! Достала телефон – к чёрту все пропущенные вызовы! – написала в твиттер:

Правило номер один: никогда не знакомиться с мужчинами через интернет. Чревато всеми вытекающими.

Затем:

Правило номер два: если мужчина начинает расспрашивать про твоё имя, жди беды. Хозяйке на заметку. Урок окончен.

Окна в её студии выходили в две стороны, перпендикулярные друг другу. За широким окном над постелью виднелась

змеистая Кольцевая дорога, а с балкона за *kitchenette* – вид на плоский город. Где-то вдалеке можно было разглядеть какие-то из высоток, а в ясную погоду – и Останкинскую башню, но на первом плане виднелись заводские трубы в красно-белую горизонтальную полосу, из которых клубами, зимой особенно живописными, вился дым. Тина жила высоко.

Будильник в восемь. Её рука высунулась из-под одеяла, нащупала телефон на полу у кровати; поднесла к глазам – едва нащупали фокус, – выключила сигнал. Взялась руками за металлическое изголовье широкой постели, вытянулась в струну.

Снилось что-то чудесное, необъятное в своей замечательности. Жаль, сейчас уже никак не вспомнишь, сколько ни бейся.

На улице ещё темно. Тина зажгла повсюду свет, включила кофе-машину и плоский телевизор, висящий на стене. Доброе утро, сельское хозяйство.

В душ. Холодная-горячая-холодная-горячая. Хорошо! Посмотрелась в зеркало на себя обнажённую: кажется, бока, действительно, немного ушли – повод для оптимизма. Конечно, ни здесь, ни тут естественным образом не нарастишь, но будем и тем довольны, что ничего лишнего не выпирает, правда?

Прежде, чем сушить волосы, пробежала глазами твиттер. Сама записала свежую идею: *Про «утро добрым не бывает» придумали алкоголики! Какое утро может быть лучше, ес-*

ли ты знаешь, что сегодня четверг? Только утро пятницы!

Долго сушила волосы. На завтрак – чашка кофе и творог. Нужно же как-то уравнивать вечернее объединение. По телевизору показывали бодрящую утреннюю телепередачу, которая, скорее, склоняла ко сну. Выключила.

Лосины, серое платье, просторный чёрный кардиган. Волосы в пучок, сдержанно-мрачный макияж, тяжеловесные очки. Буду сегодня серьёзной, поучусь. В конце концов, когда приходишь на учёбу редко, начинаешь её по-настоящему ценить. Да.

Покормить эту чёртову птицу.

Что же мне сегодня снилось?

На улице неясно, наступил рассвет или ещё нет, небо цвета черничного йогурта. Чтобы срезать – мороз же! – пошла по знакомой тропинке, опираясь на фонарный столб переступила через оградку и вышла на проезжую часть. Машин, как назло, мало.

Напротив – медицинский институт. Вот пошла бы ты, Тина, на врача – было бы дело: пешком до института пять минут, никаких тебе пропусков и соблазнов. Какие там соблазны в этой дыре! Хорошему делу бы научилась; деньги, конечно, дрянь, но в этом есть что-то от самопожертвования. Медсёстры на войне. Вышла бы замуж удачно, в конце-то концов: за всю семью тогда стала бы отдавать долг обществу. Красота!

Думала об этом, пока ехала в машине. На водилу не об-

ратила бы особого внимания, если бы он не начал о том же: в скорой помощи, говорит, работает, тоже за рулём. Туда на машине, сюда на машине, так круглые сутки и сижу, мол.

– Ты себе не представляешь, – говорил он с едва заметным кавказским акцентом, – как тяжело куда-то ехать сквозь эти пробки. Не уступают дорогу, суки, и всё тут! Видят же, что скорая, спасти человека надо, но не пропускают. А всё знаешь почему? Потому что развелось всяких уродов на машинах с мигалками. Все знают, что они бездельники, им на самом деле спешить некуда, вот и никаких мигалок не пропускают.

– Ну, знаете! – обиженно воскликнула Тина, – Мой папа, скажем, тоже с мигалкой ездит. Очень важный, занятой человек, между прочим.

Соврала, конечно. Папа ездил с мигалкой когда-то очень давно, когда Тина была маленькой девочкой. Иногда можно было просто покататься со включённым сигналом, это её очень веселило. Сейчас бы, подумала, была бы у него мигалка – это бы многое значило. Не ездила бы Тина каждый день на бомбилах с «Жигулями», да и не жила бы на окраине города.

Водитель подвёз её до метро и отказался брать деньги. Сказал:

– Что ж вы до метро, девушка? Я бы вас до самого места назначения доставил бесплатно!

И криво улыбнулся, сверкнул серебряным зубом.

– Вам куда ехать?

– Куда надо! – и захлопнула дверцу.

Помимо русской и зарубежной философии в вузах необходимо преподавать философию таксистов.

В метро глядела на кислые лица, раздумывала. Так, нужно поймать момент и нажать кнопку, когда поезд остановится на станции.

Чем раньше встаёшь, тем больше вероятность мыслей об эмиграции. Дядя президент, отмените утро в целях сохранения государственности!

Войдя в аудиторию с опозданием, Тина ступала аккуратно – чтобы каблуки не стучали слишком громко. Не помогло – паркет был гулкий; преподаватель взглянул на неё брезгливо.

Симпатичный, конечно, приятный мужчина. Одет он серьёзно, но не напыщенно, и, пожалуй, со вкусом, неплохо пострижен, и щетина эта. Одна проблема – ну с чего ему было становиться преподавателем? Нет, понятно, престижный вуз, хорошие люди работают, особая притягательность места... Нет, не понятно.

Сидели в небольшой пыльной аудитории, две группы: Тинина и пиарщики. Вместо семинара преподаватель читал лекцию: общий лектор его чем-то не устраивал, да и не ходил на него никто.

– Лагерь социалистической прессы, – говорит, – отличал-

ся крайней эклектичностью и резкой динамикой развития, причём не всегда позитивной.

Не поднимая руки, подала голос Тоня, провинциальная одноклассница себе на уме.

– Лагерь социалистической прессы отличался, простите, чем? Эк-лек...

– Эклектичностью. Мне странно слышать, что вы не знаете таких слов.

Продиктовал по буквам. Значение отправил посмотреть в словаре.

– Как мы тогда поймём вашу лекцию, если не знаем каких-то слов?

Объяснил: эклектичность – это смешанность, неоднородность, хаотичность. Начался гул:

– Зачем говорить «эклектичность», когда можно сказать проще, есть же слова, понятные сразу!

Преподаватель отвечал:

– Мы же в университете не только конкретные знания получаем. Помимо прочего, мы ещё пополняем словарный запас и расширяем *категориальный аппарат*.

Поднялся смех, и Тина тоже смеялась. Преподаватель улыбнулся, но какое-то недовольство в его выражении лица всё же сквозило, так что Тина состроила серьёзную мину: вроде как неудобно и стыдно стало, неясно за что.

Девушки стояли на крыльце, курили. От холода они пере-

минались с ноги на ногу и легонько подпрыгивали. Тина отказалась от сигарет – бросает, – но от родной компании что отказываться? Полная, но, как считала Тина, очень симпатичная Маша Сахарова рассказывала что-то о прошлых выходных (в универе на этой неделе она ещё не появлялась):

– ... Меня всегда это безумно веселит, когда все вокруг напиваются, а я трезвая. И вот, значит, веселимся мы, всё нормально. Все начинали подарки ей дарить, и тут я спохватилась, что свой подарок в машине забыла. Лезу, значит, в сумку – и никак не могу найти ключи от машины. Шуровала-шуровала, всё оттуда вытрясла: ну нет и нет! Ну, я на нервах, естественно, стала везде искать по залу, а все, главное, внимания не обращают – будто так и должно быть. Только Гриша мне помогал, и то, потому что я в него вцепилась изо всех сил – так бы и он, наверно, бухать продолжил. Короче, не могли никак найти и выскочили на улицу. И, представляете, машина не на месте. Пиздец! Гриша такой: может быть, ты где-то в другом месте припарковалась? Да нет, в том. Обошли всё вокруг – нету ничего похожего. Я как села на корточки прямо там, так и заплакала. Ну, он меня внутрь отвёл, я в туалет, зарыдала там всё, конечно.

Сахарова с усмешкой сильно затянулась сигаретой.

– В общем, подумала: а, ладно, гулять так гулять. Всё равно сейчас, типа, ничего не сделаю. Пошла в бар, выпила подряд несколько шотов, и вроде в каком-то смысле успокоилась. И тут приходят эти двое: Макаренко и Амбарцумян, –

целуют меня в две щеки и кладут на стол ключи от машины. И говорят: «Ой, Маш, мы тут прокатиться решили, а у самих машины нет, поэтому вот взяли твою». Вы представляете себе, как я охренела?

Девушки бурно осудили действия Макарова и Амбарцумяна. Но, послушайте, что с них взять, в сущности? Два пьяных придура.

– Но они оба даже водить не умеют, – не унималась Маша, – мало того, что пьяные. Если бы их остановили, или если бы была авария, это уголовное дело!

– Ну, если бы авария, они бы скрылись, – закивали девочки. Кто-то обнял Машу: пока она рассказывала, интонация постепенно сменилась с шутливой на нервную и злую.

Пошли всем скопом на лекцию. Решили: раз на улице такой дубак, да и не день ещё даже, будем умными, запишем всё сказанное. Кто-то любил русскую литературу девятнадцатого, кто-то, как Тина, испытывал лёгкие угрызения по поводу того, что на лекциях появляется редко.

Сели вшестером на пятом-шестом ряду огромной аудитории: достаточно далеко, чтобы перебрасываться репликами шёпотом, достаточно близко, чтобы хорошо разбирать, что говорит лектор. Рассмеялись над пошлой шуткой; пара страшных девочек со второго ряда оглянулись почти гневно – и от этого стало ещё смешнее.

Подруги Тины сидели слева от неё, самая левая из них сидела совсем у центрального прохода. Кроме них никого

на ряду не было – и справа от Тины был целый пустой ряд. «Кто-то ведь сядет». Вообще в аудитории было довольно мало людей.

Смешной мужичок лет под шестьдесят начал многозначительную лекцию о Толстом: кажется, ни о чём другом он в этом семестре и не рассказывал. Он то и дело сбивался на противопоставление духовного материальному: в роли духовного выступал, собственно, Толстой, материальное он пренебрежительно обозначал словом «майонез». Каждый раз, когда упоминался майонез, по аудитории проходил лёгкий смешок, а лектор глядел на студентов с нарочитой ироничной снисходительностью.

Через двадцать минут к Тине подсел тот, кого она хотела видеть в последнюю очередь – однокурсник Кирилл, с которым она однажды неосмотрительно «зажгла» на университетской вечеринке. Ничего особенного между ними в тот вечер не было, но с тех пор Кирилл время от времени обозначал претензии на её внимание. Принялся трещать:

– Слышала, что Макаренко с Амбарцумяном сделали? Это просто пиздец! Я так угорал, это ж надо! Как у тебя вообще-то дела? С личной жизнью как? Какие планы на лето? Я тут одну историю слышал...

Тина отвечала междометиями. Кирилл вдруг перешёл с шёпота на тихий, но вполне отчётливый бас, не переставая, впрочем, нависать у неё прямо над ухом. Тина пыталась усмирить его, но тот, видимо, поймал какой-то особый ку-

раж. Лектор давно приметил Кирилла; теперь ему надоело:
– Молодой человек! – возопил он, – Прекратите болтать!
То, что вы не услышите эту лекцию – целиком на вашей ответственности. А вот то, что её не услышит ваша собеседница, будет уже моей виной. Она хотя бы что-то записывает, а вы сюда явно не за этим пришли.

Перед Тиной на столе лежала раскрытая тетрадь с заголовком «Анна Каренина» на пустой странице. В ответ на обвинение преподавателя Кирилл заткнулся и даже немного отодвинулся от Тины, будто бы это она была виновата. Преподаватель кивнул и обратился на этот раз к самой Тине:

– А вам, девушка, обязательно надо прислушаться ко мне, а не к нему. Если вы не хотите закончить как главная героиня романа Толстого.

Женские голоса огласили смехом аудиторию. Тина же заткнула уши наушниками и принялась чертить на тетрадном листе какую-то абстракцию.

По кочкам разбитого асфальта, по рекам тающего пломбира перебежками и прыжками они добрались до уютного суши-бара. Не удержавшись, Тина достала из чьей-то пачки сигарету и зажгла её. Хорошо.

Сидели вчетвером: Тина, Маша Сахарова, Лана, начинающий искусствовед в толстовке «I♥ROME», и маленькая Оля, смешливая сокурсница, мечтающая стать преподавателем литературы.

Обсуждали политическую обстановку. Оля предсказуемо верещала об ужасной, невыносимой власти. Загнивающие детские сады, сфальсифицированные выборы, скотские выражения лиц.

Тина вспылила.

– Слушай, ты не обижайся, но я всё время слышу: власти то, власти сё. Как будто они одни плохо работают и нарушают закон. К тебе это не относится, но все эти критики – сами такие же жулики и воры, только не знают этого. Те же депутаты – тратят бюджетные деньги на озеленение – людям ведь пофигу? Всё затопчут, засрут через месяц! Детские площадки те же – это что, депутаты на них слово «хуй» пишут? Или, может, министры? Я так предлагаю: давайте сначала не будем мусорить в лесах и покупать права, а потом уже будем от власти чего-то требовать.

– Нет, ты не понимаешь, – отвечала Оля, – Это же всё звенья одной грёбаной цепи! Скоты во власти – скоты в народе. Пока людям не вернут угнанную у них страну, никто не станет сознательным и цивилизованным. Так и останемся в каменном веке.

– Ладно, хватит – «мы» и «мы»... Ты мне прямо скажи: лично ты нарушаешь закон?

Аня подумала, склонив голову, затем резко взглянула Тине в глаза.

– Нет, не нарушаю.

– Ты просто не знаешь об этом! Я могу честно сказать:

нарушаю, и ничего с этим не поделаешь. Хотя я стараюсь внутренне измениться к лучшему, и все должны стараться. Тогда всё получится.

Подруги поддержали Тину, Оля молчаливо капитулировала.

– Вообще, ненавижу все эти споры о политике, – как бы примирительно сказала Лана, – каждый раз собираются *выдающиеся специалисты* и начинают спорить. Как будто всё это вообще что-то значит!

– А если вдруг значит, – буркнула Оля будто бы без знака вопроса.

Пришло СМС от Антона: «Как дела, милая?». Самонадеянный малый. Ну ничего, зато перспективный. Подождать немного, и затем собирать урожай. Ответила: «Это не ты вчера вечером звонил?».

Сахарова проявила наблюдательность:

– Кстати, как у вас с Антоном?

– Как, как, – вздохнула Тина, – отвратительные манеры. Позвонил мне вчера, нарочно низким голосом нёс какую-то херню... Порнографическую почти. Я стараюсь с ним пореже видеться, но для моих родителей он в статусе жениха.

– Боже ты мой! – усмехнулась Оля.

– Ну а что? Мужчины – они такие. Ты посмотри на однокурсников. В двадцать лет ума совершенно нету. Но иногда бывает, что деньги при этом есть – тут уж сердцу не прикажешь.

Рассмеялись.

– Ему бы немного подрасти, ощетиниться. Вот тогда с ним и поговорим серьёзно. А пока – в лёгком режиме, раз в месяц по букету.

– И по минуте! – срифмовала Сахарова; все засмеялись, кроме Тины, – Ладно, ладно, не обижайся.

– А чего на вас, тупых, обижаться?

Тут Тину окликнули из-за стола неподалёку. Подошла: ребята-одноклассники там пили красное. Пять пар подкрашенных вином губ чмокнули её в щёки. Серёжка Огородников рассказывал:

– И вот, подъезжаю я к её дому на Порше, в тот же день. Всё блестит, цветы, шампанское на заднем сиденье. Звоню ей: выходи, говорю. Выходит. Сначала: сначала «Ах», вздохи там, какая красота... Я шампанское открываю, благородно так наливаю ей, сам, говорю, не буду, за рулём. И тут она что-то задумалась и говорит: «А багажник большой?». Нет, говорю, не очень, зато движок пятьсот лошадок. А она, типа: «Сдались мне твои лошадки, как на этой тачке за покупками ездить?». Ну, я начал что-то шутить, типа, труп в мешке конечно в багажник не влезет, с этим проблемы. А она всё-таки завелась: а, блядь, без задних сидений как? Это ж мы только вдвоём сюда влезаем, а если подвезти кого-то? В общем, испортила праздник мне, конечно, рассорились с нею в прах. Но вот, что я вам скажу, ребята: тачку взял вот такенную.

Тина посидела с ними несколько минут, но вежливо от-

кланялась – сегодня никакого вина, надо в тренажёрный зал.
Загалдели:

– Ну Кристинка, ну сколько мы с тобой не виделись?

– Вот я, лично я – возьму и обижусь. Ты скажешь: не обидишься; а я обижусь!

– Крис, мы столько лет вместе, а ты нас на каких-то тёлок променяла, ну!

Еле отделалась, вернулась к девочкам.

– Отходишь от коллектива! – сказала Лана.

– А это потому что вы тут про меня пошлые шутки шутите круглые сутки, – сказала с улыбкой, а сама подумала: и правда.

От Антона пришёл ответ: «Нет, а чё такое? Могу приехать».

Всё-таки нужно, нужно, нужно бросать курить. Безоговорочно. Безо всяких перекуров с подружками на свежем воздухе и пятничного правила «Курю, когда пью». Над тем, чтобы бросить пить, тоже нужно подумать, но не сегодня.

Трудно дышалось Тине на беговой дорожке. Каждую минуту она тайком от инструктора понижала скорость бега. Вспомнила, как пару лет назад точно так же упорно повышала скорость, желая сбросить жир во что бы то ни стало.

Боюсь, что до конца своих дней я не овладею каким-либо механизмом лучше, чем беговой дорожкой и велотренажёром. Остальное – для мужчин.

За окном стремительно темнело. Инструктор Женя стоял тут же, облокотившись на подоконник перед широченной стеклянной стеной, отделявшей зал от заснеженной улицы. Тина рассматривала его фактурную спину с этим характерным для всех накачанных мужчин, но таким странным для человеческого тела в принципе, мышечным массивом за шеей. Женя носил крепкий кожаный пояс, как у боксёров, с красноречивыми белыми буквами: «BULL». Строгий чёрный спортивный костюм, серебристые часы на правой руке, забранные в хвостик чёрные волосы. Женя пил тёплую воду из кулера.

Действительно, бык, размышляла Тина. Провинциальный, хамоватый. За задницу горазд ухватить – впрочем, в каком-то смысле это и есть его работа. Все его друзья – такие же глыбы, как он, их разговоры тяжело слушать: камень с камнем говорит. Всё-таки неправильно, когда у мужчины на стене вместо каких-нибудь голых тёлочек висит плакат со Шварценеггером.

А всё-таки – сила. Сила и способность ударить – даже нет, не ударить, а одним своим видом дать понять, что лучше не связываться. Этого, пожалуй, и не хватает всем этим щуплым Ромео, которые меня окружают. Эх, Женя, тебе бы мозги! Хотя бы как у меня...

It's a beautiful life, o-o-o-oh

It's a beautiful life, o-o-o-oh

It's a beautiful

– Аллю.

– Кристина Эдуардовна?

– Да, это я. Говорите быстрее, я сейчас бегу.

– Это вас беспокоит ООО «Колизей-сервис». Вы у нас заказали пылесос.

– Какой пылесос, я ничего не заказывала.

– Ну как же. Заказ номер триста семьдесят четыре девятьсот восемьдесят шесть на сумму три тысячи девятьсот девятьдесять рублей. Беспроводной полноприводный пылесос Паркинсон Ща-тридцать.

– Что за бред? Какой пылесос, вы в своём уме?

– Конечно. Всё хорошо. Замечательный пылесос. Сделано в Германской Демократической Республике. Мы вам скидку сделали – и телескоп в подарок. Находка для вуайериста!

– Это какой-то розыгрыш? Передайте заказчику, что не очень смешно.

– Конечно, не смешно. Это не розыгрыш, а реальная жизнь.

– Актёрские данные у вас не очень. Раскалываетесь быстро.

– Твоё время колотья, милая. Что на тебе сейчас надето?

– Урод!

Она скинула звонок. Подошёл Женя:

– Какие-то проблемы, Тиночка?

– Нет-нет, всё в порядке, как раз программа подходит к концу, – и заулыбалась, что было сил.

В метро Тина порылась в айфоне: да, вчера вечером звонили с того же номера. Хотя голос был вроде бы не тот.

Сохранила контакт в телефонной книжке как «Не брать трубку 34». С некоторых пор она взяла за привычку так обозначать номера неудачных знакомств, чтобы сэкономить время и нервы, расходуемые на то, чтобы давать им отпор. На втором или третьем номере она решила, что нужно всё-таки отдать должное индивидуальностям каждого звонящего и стала их нумеровать. Чуть позже она решила добавить в процесс функциональности: скучноватые парни с парой недостатков и некоторыми достоинствами получали нечётные номера: в минуту душевной смуты им можно и ответить, а совсем уж в крайнем случае – может быть, даже позвонить самой. Нечётные дошли до цифры 9. Чётные номера доставались убоюдкам, с которыми совсем уж нельзя было связываться.

Тина пришла на курсы испанского языка с небольшим опозданием. Села на заднюю парту и замерла, вспомнив, что уже в четвёртый раз подряд не принесла домашнего задания. Услышав сладкую испанскую речь, Тина вдруг вспомнила, что ей снилось этой ночью. Сон был, как она и почувствовала утром, просто прекрасный.

Она сидела с Виктором на его чудесном балконе в квар-

тале Барселонета – в обычном, даже тесноватом жилом доме на самом берегу моря. Отсюда и к горизонту по водной глади были разбросаны суда разного калибра, но Тина, всматриваясь вдаль, не чувствовала ни портовой суеты, ни туристического бума, творившегося в какой-то сотне метров от неё, на общественном пляже Барселоны.

Была только она и он, страстный, фактурный испанец с недельной щетиной. Она искренне восхищалась им: за душой – ни копейки, работал он на какой-то автомойке да учился в университете по непроизносимой специальности. Но – испанец: болтливый, загорелый, мог рассмешить её даже на своём ломаном, дикарском английском.

Во сне не было никакого секса: в реальности его было столько, что на сон не хватило. Они просто сидели на балконе и посматривали друг на друга, подливая в стаканы раздешёвую сангрию «Дон Симон». Солнце светило так ярко, что Тина жмурилась и жмурилась – до того зажмурилась, что проснулась, обо всём позабыв. Её память поступила милосердно, присыпав этот сон временным забвением – иначе Тина бы мучилась воспоминаниями о Барселоне весь день, а так вспомнила только вечером.

Мне снятся такие сны, что лучшие бы я не просыпалась. По крайней мере, в этом городе. Разве ЭТО – жизнь?

Участие в занятии не задалось. Тина ушла минут за десять до конца, что-то невнятно пробормотав в адрес испан-

ки. Медленно зашагала по коридору, не желая снова выходить на мороз.

It's a beautiful life, o-o-o-oh

It's a beautiful life, o-o-o-oh

Самый часто звонящий номер – любимый и ненавистный «Не брать трубку 1». А вот и не буду подходить. Не буду.

It's a beautiful life, o-o-o-oh

I just wanna be here beside you

Ладно, подойду. Из короткого телефонного разговора выяснилось, что он уже знал, где она – у кого-то из подруг выведаль. Приехал на машине.

– Я тебя просто подвезти захотел. Время свободное после работы, а на улице метель, температура упала. Подумал, как ты там домой добираться будешь.

– А это что?

– Ну, по дороге купил. Захотел тебе приятное сделать.

– Что-то ты раньше не был таким заботливым.

– Я изменился. Стал таким, каким ты бы хотела меня видеть.

– Ладно, поехали. Жарко у тебя тут.

– Сейчас печку послабее сделаю.

Пришло СМС с незнакомого номера. «Когда снова увидимся? Владимир». Тина не сразу сообразила, что писал

вчерашний похабный дядька, с которым она познакомилась в интернете. Сохранила контакт: «Не брать трубку 36». Подумала и исправила на «Не брать трубку 11».

Машина остановилась в пробке. Они молчали, было неловко. Тина поймала на себе его упорный, загадочный взгляд.

– Может, включишь музыку? А то как-то скучно.

– Тебе же не нравится музыка, которую я слушаю. Не хочу тебе досаждать.

– Ну включи радио. Какое-нибудь, любое.

– А радио мне не нравится. К тому же, я хотел с тобой поговорить.

– О чём мне с тобой разговаривать, скажи пожалуйста? Ты что, не видишь, что мы с тобой начинаем о чём-то спорить, даже толком не поздоровавшись. Я всегда твоё внимание на это обращала, мы не можем быть вместе. Мы могли бы стать хорошими друзьями, если бы ты тоже это понял.

– Тина, но я люблю тебя. Ты мне вроде бы тоже об этом говорила. Не может же это всё пройти за какие-то две недели в Испании.

– А вот и может. Что ты вообще знаешь о любви?

Тина уткнулась носом в окно.

– Включи радио, я тебя умоляю.

– Не буду. Мне и в тишине комфортно.

– Слушай, хочешь, я на метро доеду?

– Ты же не любишь метро! Всё время жалуешься, что там

тесно, жарко...

– А теперь, может быть, люблю! Ты обо мне вообще ничего не знаешь!

Тут он, слава богу, не стал отвечать, включил радио. До-ехали до дома без происшествий. У подъезда он выключил зажигание и заговорил:

– Я думаю, я всё-таки что-то о тебе знаю. Николаева Кристина Эдуардовна, тысяча девятьсот девяносто третьего года рождения, по гороскопу Близнецы, цвет волос светло-русый, цвет глаз серо-зелёный. Рост – метр шестьдесят девять. Очаровательно смеётся, любит белое вино и творчество певицы Мадонны. Очень бойкая в общении и в постели.

Его голос приобрёл ту тягучесть и монотонность, с которой он говорил в те моменты, в которые хотел подчеркнуть значимость каждого слова. Тина закрыла ему рот рукой, не могла это больше слушать.

– Не нужно больше. Я тебя люблю. Я ещё подумаю.

Казалось бы, чудный обычай: сжигать мосты. Но слёзы – плохое горючее.

Греческий салат.

Помидоры.

Болгарский перец.

Огурцы.

Лук.

Брынза.

Чёрные маслины без косточек.

Подсолнечное масло.

Соль.

Перец.

Нарезала как попало, самой большой ложкой перемешала в миске и этой же ложкой принялась есть. К чёрту диеты! Зачем вообще это всё? Не такая я и красивая, чтобы на меня все бросались, будь я хоть как спичка тонкая. Этот всё равно меня любит, хоть я заплыву. А этот не любит. А тот не придет ни в какую Москву. Ну почему я родилась в России?

Всхлипывая, Тина налила себе ещё вина и подъехала по ламинату на кресле с колёсиками к клетке с птицей. Антон подарил ей эту птицу несколько месяцев назад, просто так, а она и не удосужилась спросить, что это за порода. Вернее, спросила, но забыла. Не то дрозд, не то дронт какой-то.

– Ну что, птица? Одни мы с тобой. Только ты знаешь, что значить быть такой одинокой, как я. Вернее, ты конечно немного другое знаешь: просто сидишь одна в клетке с прекрасным видом из окна и думаешь себе, что есть где-то твои друзья-дронты, соплеменники, что-то в этом духе. А я круглые сутки среди этих соплеменников верчусь – и нихуя! Никто меня не любит, а если любит – то с этим человеком быть ну никак нельзя. Плохо физически, понимаешь? Понимаешь, скотина ты этакая?

It's a beautiful life, o-o-o-oh

It's a beautiful life, o-o-o-oh

– Ну что тебе нужно опять?

– Что обычно.

– Майка на мне одета, с портретом Путина. И трусы белые.

– А на ногах?

– Босиком. У меня пол с подогревом.

– Вот это уже совсем другой разговор. Кристиночка, на что ты готова ради любви?

– Не смей называть меня Кристиночкой, урод! Во-первых, мы на брудершафт не пили, во-вторых, если бы вы меня лучше знали, вы бы были в курсе, что я ненавижу это имя. Раз и навсегда это запомните!

– У нас ещё будет время познакомиться, Кристина Эдуардовна. В самом полном смысле этого слова, милая моя.

– Да какая я тебе милая, мудило? «Милая» я только для своего жениха. От меня один звонок – и он приедет и разберётся.

– Да неужели. Он уже выехал, наверно.

– Скоро выедет. Я обо всём ему сейчас сообщу.

– Можешь не беспокоиться. Теперь я – твой жених.

– Ещё чего. Я себе сама женихов выбираю.

– Разочек можно и мне выбрать. Скоро ты будешь моей, можешь не сомневаться. Браки заключаются на небесах.

– Сука, как же ты меня достал.

Тина положила трубку.

Девочки, кто завтра пить пойдёт? Мне необходима психотерапия.

Колоссальная мозаика на корпусе медицинского института: две ладони, а в них сердце человечье. Зима, утро, пустая узкая улица. На противоположной от медицинского стороне высится сталагмитами элитное жильё. Каждый из этих домов раз за разом скрывается за прозрачной белой занавеской: обходит окрестности снежная буря.

И стоит у дороги столб – как обычно по утрам, он ещё не издаёт ни ржавого звука от ветра, ни электрического гула от работы фонаря, хотя фонарь светит своим почти уже не нужным оранжевым светом. Подходит к столбу красна девица – в кожах и мехах, сама румяная, – уверенно берётся она за столб, и, опираясь на него, переступает через сугроб и выходит на дорогу. Не дожидаясь, пока девушка поднимет правую руку, зажигает фары припаркованный автомобиль и подъезжает к ней.

Она пытается открыть дверь, но ручка что-то заедает. Мужчина выходит из машины и, обойдя её сзади, идёт помочь девушке с дверью. Ручка не поддаётся: мороз. Зато с задней дверью всё в порядке: он открывает её и делает учтивый жест рукой. Когда девушка садится в машину и начинает отряхивать ноги, он вдруг наклоняется внутрь машины и суёт девушке в лицо заранее заготовленный платок. После недолгой борьбы она ослабевает, он закидывает её ноги

в машину и закрывает дверцу. Садится обратно на место водителя и уезжает.

Пятница! Ничего так не люблю, как утреннюю пятницу и ощущение приближающихся выходных. Всем улыбаться!

IX

А ВОТ ЕЩЁ БЫЛ СЛУЧАЙ

Один мужик приехал в Москву из своего маленького шахтёрского городка. Был там какой-то съезд шахтёров или просто людей физического труда.

А был мужик хоть и очень простой, но всё-таки совсем непростой. Слыл одним из лучших бригадиров на заводе, делу отдавался беззаветно и безропотно, и, хоть и получал для этих мест хорошие деньги, жил скромно, если не сказать убого. Скрипучая кровать, стол да стул о трёх ножках. Ну и телевизор.

Много раз предлагали мужику перейти на административную, так сказать, работу, отсидеться в кабинете, а там и дослужиться до чего-нибудь по совокупности заслуг, да не стал мужик горбатиться в конторских коридорах, предпочёл дальше горбатиться в шахте. Знать, милее ему было выходить вечером из шахты с чёрным лицом, чем садиться вечером в «Волгу» с чёрными мыслями. Лицо-то ведь отмоешь, а душу, как и «Волгу», – нет. Даже если отмоешь, всё равно быстро испачкается – городок-то маленький, а дороги никудашные.

Но думал он об этом мало. Любил помолчать, посмотреть на что-нибудь, да кого-нибудь послушать. Его уважали как

раз как хорошего слушателя – секрет его был лишь в том, что он не считал необходимым самому участвовать в любом разговоре.

А тут вот приехал в Москву. Долго ехал, всё глядел в русский простор и ел варёные яйца.

Москва поразила его своим размахом. На вокзал он приехал на Киевский, так что сразу пошёл смотреть на небоскрёбы. На дворе был дурной, слякотный ноябрь, а от небоскрёбов веяло настоящим зимним холодом, и мужик вдруг почувствовал в этих совершенно чуждых ему зданиях что-то родное и знакомое, но так и не смог понять, что.

Потом был продолжительный съезд шахтёров, на котором мужик надел очки и внимательно конспектировал сказанное. Говорились, в основном, глупости, но сам брать слово мужик не стал – чтобы с трибуны выступать, много ума не надо. Правильный человек всё внимательно проанализирует, да и реализует на производстве, а не будет языком чесать. Впрочем, если все будут только слушать и анализировать, кто же будет чесать языками?

Долго ли, коротко ли, а конференция закончилась, и мужик отправился в гостиницу, которую ему оплатило начальство. Администратор уважительно выдал ему ключ от номера и помог донести его скромные пожитки до самой двери.

Оказалось, поселили мужика в шикарный номер – президентский люкс. И тебе шампанское в холодильнике, и кровать огромная, и телевизор плоский – мужик такие телеви-

зоры только по телевизору видел.

Расположившись, мужик тут же пошёл в душ и, согласно твёрдой шахтёрской привычке, тщательно вымылся – больше всего в человеке он ценил гигиену и чистоту. Надел роскошный гостиничный халат и улёгся на кровать, телевизор смотреть.

Тут принесли мужику ужин – рябчик (ух какой рябчик), устрицы и вино какого-то раздремучего года. Вкусил всего этого дела мужик и совсем тепло и хорошо ему стало на душе. Смотрит вокруг себя и не нарадуется – вот это де жизнь, порадовали на старости лет.

Переключает канал, а там такое, чего он никогда не видел. Если без подробностей, то вокруг одного мужика сразу три девки выются – светлая, тёмная и рыжая – и любят его по-всякому, и он их любит. Раньше стыдно было смотреть мужику на всякие такие картинки, а теперь вдруг стало светло внутри от похабного зрелища. И стало ему вдруг ясно, что разврат это всё равно любовь, и как бы грязно это не было, это всё равно какой-никакой шаг к Господу...

Тут ворвались в его комнату несколько служителей гостиницы, суетливо что-то крича и вроде бы извиняясь. Двое стали вещи его паковать. Мужик прислушался к их речам: не без труда он понял, что поселили его в шикарный номер по ошибке, и что его сейчас переселят в палату поскромнее. И что делать это надо поскорее, так как вот-вот приедут важнецкие гости. Ну, что ж делать, пошёл он с приставленными

к нему работниками в скромный номер. А они всё извините да извините.

Затолкали его в какую-то подсобку, поставили ему раскладушку – здесь мол и ночуй. Другого, извините, номера у нас для вас нет, это ваше, извините, начальство не озабочилось, извините. Такие дела.

Стоит мужик в подсобке, сквозняк гуляет, а лампочка мерцает, грозя потухнуть. И никакого тебе телевизора. Только его оставили в покое – врываются в подсобку три девушки в гостиничной униформе и давай с мужика халат снимать. Ну, подумал мужик, сейчас будут его здесь любить, как в том фильме – это как раз светлая, тёмная и рыжая были. А нет – выяснилось, что халат-то тоже коммерческий и ждёт почтенного гостя. Оставили девушки его одного стоять в чём мать родила в неудобном помещении и убежали дальше творить свои хитрые рабочие дела.

Взгрустнулось мужику. Лёг он на раскладушку и собрался задать храповицкого, но совсем ему что-то не спалось. Оделся он потихоньку, да и пошёл гулять в ночной город.

Ветер пронизывал насквозь, да и слякотно как-то было, так что решил мужик в кабак зайти, да и замахнуть там по-человечески. Зашёл в какой-то модный бар, велел принести ему сто грамм, да и выпил. Вроде бы хорошо стало.

Осмотрелся мужик по сторонам и увидел, что у всех посетителей бара на лице та же печать тоски и томления, что у людей, которых он знал и любил. Подумал, что его это лю-

ди, и что надо с ними наладить контакт. Присел к одной компании – четверо парней и пара девушек.

Мужик угостил их выпивкой – командировочные позволяли – и давай им истории из своей шахтёрской жизни рассказывать. Без злобы и нравоучений, а так, вприкуску. Никогда мужик не замечал за собой такой болтливости, а здесь как прорвало. Ребята вроде бы сначала смущались и погнать хотели мужика, но потом ничего, оживились, и давай смеяться и даже аплодировать его остроумным байкам. Видать, не зря мужик всю жизнь экономил слова, даже не рассовав их по карманам, а аккуратно зашив по подкладкам – в нужный момент красноречие пригодилось.

Но через какое-то время мужик ребятам наскучил. Выпили ещё – и давай бродить по улице. Девчонки звонко хохотали над всем подряд, а двое парней зачем-то принялись целоваться. Мужик не стал их за это осуждать, но отвернулся – неприятно всё-таки.

А на улице, кажется, начались заморозки, и лужи под ногами кое-где начали хрустеть. Шёл снег. Молодёжь приняла решение попарно разъехаться по домам – и решение это привели в исполнение очень быстро: трое ребят выскочили на дорогу и стали останавливать машины и занудно торговаться с бомбилами.

– Что, уезжаете? – спросил мужик.

– Да, пора уже баю-бай, – ответила одна из девчонок, делая непристойный жест, и вместе с подружкой бурно рассме-

ялась.

– Ребята, подождите! Я вам ещё не всё рассказал!

– Слышали мы эти рассказы! – бросил один из парней с проезжей части, – Сами фантазировать горазды. Серёга вон целую книгу рассказов написал, закачаешься.

Серёга кивнул.

– Нет, ребята, мои-то рассказы – правда! – воскликнул мужик, и, как бы ища подтверждения своим словам, добавил: – Видели бы вы меня сразу после смены в шахте, сразу бы поняли, что я имею в виду! А что это я? Я сейчас покажу!

Мужик присел на корточки, зачерпнул грязную жижу с обочины дороги и размазал себе по лицу.

– Эй! Эй! Вы что это?

– Так я выгляжу после работы! Почти негр!

К хохоту девичьих голосов присоединились мужские. Мужик стоял на дороге с чёрным лицом и глупо улыбался...

Утром мужик проснулся в своей келье-подсобке с недюжинным похмельем. Ещё и в горле першило – видать, простудился. Губы несколько припухли. Встал и подошёл к раковине, выпил из-под крана сырой воды и посмотрел в зеркало.

– Батюшки!

Лицо его было по-прежнему чёрным. Он тщательно смыл грязь с лица и снова взглянул в зеркало: ну негр негром. Мужик оглядел себя: чёрной была кожа не только на лице, но и по всему телу. Черты лица тоже изменились: нос слегка

приплюснулся, губы стали толще, уши оттопырились. Волос стал жёстким и курчавым. Зато, осмотрев себя повнимательнее, мужик с удовлетворением обнаружил, что он несколько прибавил в размерах гениталий.

— Это я что, негр теперь, получается? — вслух спросил себя мужик, почувствовав, что говорит с едва заметным акцентом. — Это ж надо было до такого допиться.

Коря себя за страшное пьянство, мужик стал собираться в путь. Вскоре он вышел из гостиницы и неспешно направился по улицам Снежной Эфиопии к Кенийскому, сиречь Киевскому вокзалу.

Пришёл мужик на вокзал рановато, уселся в зале ожидания напротив большого телевизора. Там как раз шла передача о быте африканских деревень. Мужик с удивлением обнаружил, что живут-то негры эти так же, как наши люди. Стол, стул о трёх ножках, если повезёт, телевизор. Кругом разбитые дороги, бандиты с копьями наперевес да злогребущее начальство.

Невыносимый жар/холод, копейки в кошельке, болезни и смертоносные дурные привычки. Неопрятные дети и красивые женщины.

Мужик пустил слезу о голодающей и ободранной Африке. Нет, подумал он, сходство, конечно, есть, но мы здесь всё-таки лучше справляемся. Чай, не голодаем.

И собрался пойти перекусить, но вдруг услышал голос соседа по скамеечке:

– Родственники твои, что ли?

Соседом оказалась пожилая женщина с низким прокуреным голосом.

– В каком смысле родственники?

– Не расстраивайся, арапчонок. Всё это неправда, что по телевизору.

Мужик вскочил и побежал в туалет. После прогулки похмелье совсем вроде бы прошло, но в зеркале по-прежнему отражался коренастый чернокожий мужчина средних лет. Пожалуй, что и покрепче, и посимпатичнее того, кем мужик был раньше, но всё-таки кардинально не он.

Мужик подумал, что сходит с ума. Достал паспорт и взглянул на фотографию: оттуда, сверкая белыми зрачками, смотрел всё тот же негр, хотя прочие данные мужика остались прежними.

Он в ужасе выскочил на привокзальную площадь. Несколько мужчин кавказской внешности предложили ему купить цветов, но он рассеянно мотал головой.

Что же делать? Нельзя же в таком виде показаться в своём городе! Мужики не поймут... В общем, решил новообращённый негр остаться в Москве на первое время. А там посмотрим.

С тех пор прошло уже несколько лет. Много слухов доводилось слышать о дальнейшей судьбе мужика. Поговаривают, что живёт он в Беляево, неподалёку от Университета Дружбы Народов – места, где традиционно селятся приез-

жие из Африки. Вроде бы он некоторое время работал официантом в одном из тамошних ресторанчиков, и был так хорош, что дослужился до заместителя директора. Самые разные люди рассказывают, как имели душевную беседу с тем самым русским негром – едва познакомившись с человеком, он любит завести с ним долгий и глубокий разговор, из которого собеседник уходит обновлённым и, как правило, потом больше никогда его не встречает.

А ещё говорят, что в Беляево мужик нашёл себе красавицу-жену – родом она не то из Руанды, не то из Луанды. У неё чудесная щедрая фигура, она красит волосы то в рыжий, то в светлый, то в свой родной чёрный цвет.

Х

– Першиков слушает.

– Андрей Николаич, это Шевцов, у нас здесь форс-мажор.

– Что такое?

– Лена погибла.

– Какая Лена?

– Ну Лена Кондратьева. Машина сбила.

– Кошмар какой. Ну, позовите всех, я приехать не смогу.

Минута молчания, или что там делается в таких случаях. Ну ты же разберёшься, мать твою за ногу. Бля, ужас какой...

– И не говорите, Андрей Николаич, ужас. Ладно, всё делаем.

– Отбой.

Мерзко как-то. Что ж за сезон такой выдался: одни смерти. Ещё исчезновение – у Эдика дочка куда-то пропала, Небылицын без вести... И ещё это дрянное ощущение, что тебя вроде бы миновало, и ты этому как бы радуешься.

– У аппарата.

– Андрюш, ты? Машу спасти надо.

– Это кто говорит?

– Да Настя, сестра.

– А, Настя, здравствуй. Мы с Машей разошлись в прошлой жизни, ну что вам от меня надо?

– Андрей, ты уж мог бы помочь. Она совсем плоха стала.

– Она уже пятнадцать лет совсем плоха.

– Слушай, я тебе серьёзно говорю. Она совсем поехала.

Ходит по улицам и орёт на людей.

– На меня она орала уже на второй день брака.

– Ты неисправим. Можешь шутить сколько угодно, но ты обязан помочь. Ты прожил с ней столько лет и стольким ей обязан. А она ходит по городу каждый день и вещает. Не ровен час её заберут и будут лечить так, что в ней от человека вообще ничего не останется.

– Может быть, с ней можно просто поговорить? По-человечески с ней давно не разговаривали. И не ставили её на место.

– Андрей, не увиливай! Ей просто некому помочь, кроме тебя!

– А чем я-то могу помочь? Я не психиатр, я бизнесмен. Прошу заметить, совершенно в другой области. Мить, тормозни здесь, ага, ага, вот здесь.

– В том-то и дело, что бизнесмен. Деньги есть.

– Ну какие могут быть деньги, если человек – совсем того? Только квалифицированная медицинская помощь.

– Андрей, я тебе для этого и звоню...

– Настя, я совсем в этом не разбираюсь. Знаешь, как на упаковках лекарств пишут – «Проконсультируйтесь со специалистом». Вот и здесь тот же самый случай – проконсультируйтесь со специалистом, а не с бывшим мужем пациентки.

– Андрей, ну я тебя по-человечески прошу.

– Я так понимаю, у тебя нет под рукой интернета, и ты не знаешь, по какому номеру звонить в таких случаях. Я наведу справки и перезвоню. А пока можешь попробовать 03, вроде бы раньше этот номер помогал.

Родственники моей бывшей жены изводят меня уже лет десять – вроде бы через пару лет после нашего развода у неё поехала крыша, и она стала, как раньше говорили, кликушей. Ну я-то что могу с этим сделать? В костюме ангела спуститься к ней на верёвках и благословить её на выздоровление? Дать миллион, чтобы она поехала подлечиться в Карловы Вары? Или что?

– Здравствуйте, вам курящий или некурящий?

– Некурящий, пожалуйста.

– Ваше пальто.

– Минутчку.

Меня любезно проводят за стол, усаживают, раскрывают передо мной широченное меню, и тут ещё один звонок.

– Алло.

– Андрей Николаевич, это Саймон, по поводу фотографии.

– Да, Саймон, ну мы как и договаривались.

– Я буду минут через сорок.

– Хорошо, я как раз успею поесть, – усмехаюсь в трубку.

Саймон Андерсон – британец-фотограф, хороший малый, как-то с ним случайно познакомились и разговорились, он

чудно говорит по-русски и прекрасно снимает. Сейчас я ему нужен для какого-то журнала – я уже и запомнил, какого, – я им какой-то комментарий давал или что-то такое. Мне приятно увидаться со стариком Саймоном.

Я делаю заказ и отлучаюсь в туалет. Пока справляю нужду, смотрю вниз – пузо закрывает обзор, так что поднимаю глаза прямо перед собой: на стене висит карта Москвы – стилизованная под старину, но по топографии вполне современная. Вдруг вспоминаю про то фиолетово-розовое свечение на горизонте, которое я видел с высоты офиса – было оно где-то на западе, я даже запомнил ориентиры – высотные здания, между которыми этот источник света находится.

Черчу взглядом линии на карте: вот здесь мы, вот тут МГУ, тут Пётр Первый, свет, стало быть, где-то посередине... Чёрт, как раньше я этого не понял – вдалеке светилась не таинственная новостройка на западе города, а хорошо известное мне место – высотные дома на Новом Арбате, где по вечерам включают нарядную подсветку. Не раз я видел это вблизи, но совершенно не обратил на это внимания. А издалека это оказалось чем-то завораживающим и манящим.

У меня был довольно длинный заказ – я люблю обстоятельные трапезы – и когда я возвращаюсь из уборной, на стол уже начали накрывать; но я не приступаю к еде, пока не принесут всё – люблю оттянуть удовольствие.

Что-то такое вытворял мой прадед ещё в царские време-

на – выжидал, пока ему накроют на стол сразу всё, а потом накидывался на какую-нибудь гору блинов, как заправский удав – заглатывающий сразу всё и потом не нуждающийся в питании долгое время. Я продолжаю его традицию.

Все мои предки были самодостаточными людьми, которые добивались всего сами, несмотря на меняющиеся обстоятельства. Я терпеть не могу всё это нытьё про «страшный сталинский режим», который выжимал из людей все соки – в моей семье люди выжимали соки из себя и из жизни самостоятельно. Что бы у них не отнимали, они сами силой возвращали себе это сторицей – какая-нибудь тесноватая московская квартирка, попавшая под уплотнение, оборачивалась роскошной переделкинской дачей, утопленные фамильные драгоценности вдруг превращались в солидную зарплату, а на пару лет жизни в ссылке отвечали семьюдесятью годами крепкого здоровья. И по нарастающей.

Официант раздражает меня своей медлительностью – причём это не аккуратная неспешность, не обстоятельность и даже не благородство; это лень – а ух как я ненавижу лень! Трудись, рви своё, шевели батонами, бедняга, пока не настало твоё время заслуженно отдыхать.

Открываю газету – ну, не газету в полном смысле слова, а так – безделушку для тех, кто дожидается своего заказа. Там карикатура на ту известную фреску, где Господь и человек соединяют руки – только на карикатуре в руке у творца бутылка вина, которую тот уж было протянул человеку,

но передумал и сказал «Отопью ещё». Подпись (почему-то стилизованная под старорусское письмо) гласит: «В этом ожидании Господь держит человека с незапамятных времён. Он показывает ему некоторые предназначенные ему блага, но в последний момент отказывается их ему давать. Человеку не терпится, он хочет отвернуться от Бога, но если он отвернётся, никаких благ он точно не получит, а пока он ждёт и верит, кое-какие шансы сохраняются».

Дурость одна! А ещё газета – «газета врать не будет», как говорили раньше. И все остальные полосы – насквозь бредятина и гонор. Если газеты по-прежнему претендуют на то, чтобы отражать реальность, то сошли с ума либо все кругом, либо, что вероятнее, сами бумагомаратели. Либо, что ещё вероятнее, всеобщее помешательство кому-то выгодно.

Любое событие – даже самое мелкое, обыденное, случайное – всегда кому-нибудь да выгодно. Ну, не бывает иначе – об этом говорит мне весь мой профессиональный и житейский опыт.

И тот, кто сразу задаёт себе вопрос «Кому это выгодно?» и верно на него отвечает – способен в нужный момент сделать правильную ставку. И тогда любой поворот ситуации становится выгоден уже ему.

Бог, судьба, да даже и любимая нашим братом Невидимая рука рынка – не более, чем красивые концепты, созданные для того, чтобы кого-то подбодрить или запугать, а используемые так вообще для того, чтобы просто оправдать свою

недальновидность или безответственность.

Штука в том, что в этой игре – в ней, как это сказать... – в ней нет общеизвестных правил, но это не означает, что они не действуют. Очень даже действуют. *Как миленькие* действуют.

Как миленькие, как миленькие, как миленькие... Странное слово, или нет, как это, *словосочетание*, да?

Оно отправляет меня куда-то в младшую школу, если не раньше, в совсем дремучее детство. Люди любят вспоминать свои детские годы, а я не могу. Скучно это было – всего-то и слов у меня. А потом вдруг стало весело – это, как я понял, я повзрослел. Судя по многим слышанным мною рассказам, обычно случается обратное. Но я же ведь никогда и не цеплялся за мечту «делать то, что я люблю», я, напротив, прагматично старался полюбить то, что я делаю. И то, чем я являюсь. Поэтому со временем стал не скучнее, а наоборот, интереснее – хотя бы для самого себя.

Интересно посмотреть, как я выгляжу со стороны – нет, не толстяк в дорогом костюме, сидящий за столом, который постепенно заполняется пышными яствами. И даже не директор успешной фирмы, которого сейчас придёт фотографировать известный журнальный фотограф. А просто – человек. Такого ведь не оценишь на глазок, только на зубок: расколешь – смотри не подавись!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.